

СМЕНА

13

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ЧЕХОВ

Берозовая аллея, посаженная А. П. Чеховым в Мелихове.
Акварель художника А. Средина.

Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

В 1896 году врачи посоветовали больному Антону Павловичу поселиться где-нибудь на юге. Ехать за границу писатель не хотел. На окраине Ялты, в деревушке Аутля, он купил небольшой земельный участок, на котором построил дом. Около дома не было никакой зелени. Антон Павлович, горячо любивший природу, в свободные минуты высаживал на участке деревья, кустарники, цветы. Сейчас здесь Дом-музей А. П. Чехова.

Флигель в Мелихове.
Фото В. Тюккеля.

В этом скромном домике родился Антон Павлович. К 50-летию со дня его смерти здесь восстанавливается обстановка, в которой прожил писатель первые годы жизни в Таганроге. Общественность Таганрога, как и вся наша страна, широко отмечает эту дату. В городе открывается новая юношеская библиотека, будут установлены мемориальные доски на зданиях, связанных с пребыванием в них великого русского писателя.

В деревне Мелихове, Лопасненского района, Московской области, Антон Павлович Чехов прожил шесть лет (1892—1898 гг.). Это были годы расцвета его таланта, известные в истории литературы как «мелиховский период» творчества писателя.

В этом маленьком домике-флигеле, окруженном густой зеленью, он создал многие свои произведения.

Сейчас часть территории бывшей чеховской усадьбы в Мелихове превращена в заповедник. Во флигеле организован музей писателя. Каждый день здесь бывают экскурсанты, читатели бессмертных чеховских книг.

Буйно разрослись березки, посаженные Антоном Павловичем Чеховым в Мелихово. Теперь березовая аллея стала излюбленным местом отдыха колхозной молодежи.

Фото А. Моклецова
и В. Тюнкова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 13. 1954 год.

Год
издания
31-й

НАШ ЧЕХОВ

Есть писатели, которые властвуют над временем. Время не отодвигает их, а приближает, и поколение за поколением, припадая к источнику чистой их речи, ощущает, что обрело надежного спутника. Таковы писатели — наряду с Пушкиным и Львом Толстым является и Чехов.

Пятдесят лет прошло со дня его смерти. Этот огромный отрезок времени включает в себя величайшие события русской жизни — революцию 1905 года, первую мировую войну, Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Великую Отечественную войну.

Той жизни, о которой писал Чехов, уже не существует. Ушла в прошлое мечтательная и беззащитная русская интеллигенция, которой деревенская темнота; ушли в прошлое люди, которые тосковали о лучшей жизни в будущем, но не знали, как эту жизнь приблизить.

Казабсы бы, нам, советским людям, должен быть далек и чужд мир чеховских героев, столь непохожий на сегодняшнюю нашу жизнь. Но именно понимание мельчайших движений человеческой души, что герои Чехова со всеми их слабостями и противоречиями вызывают у нас живое отношение и сегодня.

Великие русские писатели прошлого создали образы, без которых трудно было бы дать определение целым явлениям русской жизни. Такова вся галерея персонажей «Мертвых душ», «Ревизора», таковы Обломов и Рудин, Пьер Безухов и Иудушка Голодец. В ряду этих персонажей — стоят и такие герои Чехова, как подраженная чайка Нина Заречная, доктор Астров с его верой в грядущее преобразование жизни, или — с другой стороны — учитель Потебнев и «человек в футляре» — учитель греческого языка Великий. Эти образы стали социальными категориями. В. И. Ленин со страстью клеймил в политической жизни и «человека в футляре» и социал-демократическую «дущешку».

Гоголь первым в русской литературе поднял тему о маленьком, простом человеке с его бедной судьбой и трагической жизнью — Акакии Акакиевича Башмакина. Чехов в громадной степени раскрыл тему о маленьких людях. В десятках своих повестей и рассказов он показал судьбу многих простых, незаметных деятелей — врачей, агрономов, учителей. Изображал их, он вместе с А. Куприн, и Чехов, более чем кто-либо, показал всю гибкость, красоту, изящество и разнообразие русского языка... У Чехова еще долго будут учиться языку русские писатели.

Герои Чехова мечтали о жизни, которая через сто или двести лет будет прекрасной, но сам он твердо знал, что ошестившаяся буря близка. Вспоминаю, что Чехов писал в 1904 году, когда уже польстились первые зарницы грядущей революции 1905 года.

«...Когда идет темной ночью по лесу, и если в это время вдали светит огонек, то не замечая ни утоления, ни потопки, ни колодца веков, которые бьют тебя по лицу...» — говорит, выражая мироощущение Чехова, доктор Астров.

Верю в то, что сумерки русской жизни должны уступить место рассвету, проходит почти через все книги Чехова. Он писал о темноте, веря в свет; он писал о жестокости, веря в торжество справедливости. Он призывал к жизни прекрасной и совершенной, «Человеку нужна такая жизнь», — говорит Вершинин в «Три сестры», — «и если только пока, и только на короткий срок, но надо хотеть видеть и знать больше, чем ты видишь и знаешь его, он должен для этого видеть и знать больше, чем видишь и знаешь его и дед и отец». Чехов принадлежал к числу тех писателей, у которых литературное слово не расходилось с их делами. Готовясь к великим произведениям, Чехов видел и знал его дед и отец. Можно поразиться, как этот человек с подорванным здоровьем, по существу обреченный, пред-

Антон Павлович Чехов. Снимок 1897 года.

принял именно в целях познания жизни труднейшую в условиях того времени поездку на Сахалин. Тогда еще было Великого Сибирского пути, тысячи верст приходилось преодолевать на лошадей в распутицу и бездорожье.

«Все сибирское, мною пережитое, я делю на три эпохи... — писал Чехов в письме Плавцеву... 1) От Томска до Томска, 1500 верст, страшный холодные днем и ночью, полубошубы, валенки, холодные дожди, ветры... и отчаянная война с разливом реки... 2) От Томска до Красноярска 500 верст, невыносимая грязь, туманы, голод... и в горах 1566 верст, жар, дым от лесных пожаров и пыль...»

Чехов был убежден, что писать правду в своих книгах может только тот писатель, который глубоко познал жизнь. Все годы — от начала вступления в литературу до конца жизни — он неутомимо работал над освоением таланта, мучительную болезнь и показывая пример писательского трудолюбия. Он никогда не был доволен собой, не успокаивался на достигнутом. «Если опять говорить по совести, то я еще не начинал своей литературной деятельности, хотя и получил премии», — писал

Чехов в 1888 году Суворину. А в то время уже были созданы «Тоска», «Егеря», «Горы», «Детвора», «Банка» — эти шедевры маленького рассказка. «Еле справляюсь с техникой. Слаб еще по этой части и чувствую, что делая массу грубых ошибок», — сообщал он год спустя Суворину. «Я имею способность — в этом году не любить того, что написано в прошлом, мне кажется, что в будущем году я буду сильнее мять таланты», — признавался он в одном из своих писем.

В книгах Чехова, как и в книгах Льва Толстого, Короленко, Горького, ощущается личность писателя. Чехов пишет о людях с глубоким сочувствием и из глубины. Даже в ранних рассказах, изображая смешные персонажи, стиливая их в комических положениях, он умеет пробудить сочувствие и к судьбе незадачного цирюльника Мавра Кузьмыча Блесткина с его осмеиванной любовью, и к христите Паше, маленькой, глупой и несчастливой женщине, и к безработному переписчику Ивану Матвеевичу... С огромной силой это сочувствие к людям, к судьбам, к несчастью «Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Три сестры», проникнутых верой в приходе новой, красивой, умной жизни, которая освободит задалекающую и бесправную личность человека. Чехов изображал людей, которые еще не знали, как исправить жизнь, но страстно желали и предчувствовали ее обновление.

«Обойти то малюк и призрачное, что мещает быть свободным и счастливым, — цель и смысл нашей жизни», — восклицает студент Паша Трофимов, герой пьесы «Вишневый сад». — Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друг!»

В 1903 году, за год до смерти, Чехов написал свой последний рассказ — «Июль». В этом рассказе девушка Надя Шумкина накануне свадьбы уезжает в Петербург учиться. Она порывает с женихом, которого не любит, отказывается от мещанского благополучия, понимая, что такое существование означает конец всем ее мечтам.

«...если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя — свободным, свободным! А такая жизнь рано или поздно наступит! Так заканчивается этот последний рассказ Чехова, который является как бы его духовным завещанием: порвать с жизнью бесплодной и бесцельной и создать новую жизнь, светлую и умную.»

Именно эта вера в грядущее преобразование делала Чехова близким нам. Мы любим и знаем его героев. Нам понятны мечты и трагедия Прозоровых и несчастливой Соли Серебряковой, мы понимаем глубоко душевную тоску старика-извозчика Ионы, потерявшего сына...

Книги Чехова помогут нам ощутить масштабы достигнутого в великом обновлении нашей жизни.

Для молодого поколения Чехов — один из лучших учителей, источник познания большого искусства, образец гармонического сочетания личности писателя с делом его жизни. Чехов умер сорока четырех лет, когда зачастую писатели только приступают к настоящим книгам. Но и за этот короткий срок он сумел создать целую эпопею жизни русского общества конца XIX и начала XX веков. Его глубокое понимание жизни и понимание души каждого из людей в ней определяли и его отношение к появляющимся новым талантам. Он искал эти таланты. Он приветствовал первые рассказы Максима Горького, давая вместе с тем молодому писателю — с величайшей деликатностью и ненавязчи-

востью — советы. Он читал десятки рукописей, которые присылали начинающие авторы, и с величайшей тщательностью отвечал на все их вопросы. Вся переписка Чехова — образец внимания к людям, существующим каждому хорошему начинанию. Общественные дела были так же близки ему, как и дела литературные. Чехов строил школы, хлопотал о больных учителях, создавал санатории, поддерживал все прогрессивные начинания земства, создавал общественную библиотеку в родном городе Таганроге, тратил личные деньги на приобретение для нее книг. Круг вопросов, которые волновали великого писателя, огромен, как огромна и его общественная работа.

В своих отношениях с литераторами Чехов никогда не выделял тех, кто пользовался большим успехом; он уважал всякое дарование вне зависимости от его размеров, всегда находил слово поддержки для тех, кто был слабее, кто сомневался в своих силах... «Объединение молодых писателей не может произойти только оттого, что фамилии их будут напечатаны в одном оглавлении», — излагает он в письме к писателю Баранцевичу свое понимание нравственного облика писателя. — Для объединения нужно кое-что другое; нужно, если не любовь, то хоть уважение друг к другу, взаимное доверие и абсолютная честность в отношениях».

Духовная жизнь каждого из нас была бы неизмеримо беднее, если бы ее не обогащало знакомство с произведениями Пушкина или Лермонтова, Льва Толстого или Чехова.

Молодое поколение ведет зачастую счет своей сознательной жизни от того момента, когда в нем вступили великие спутники, когда труды Ленина, томик Пушкина или томик Чехова стали настольными, когда в эти книги ощутили оно великую правду, помогающую жить и совершенствоваться.

Самая искусственная, пластическая и изысканная и в то же время полным страстным порывом сделаться некими лучше и совершеннее. Чехов глубоко проник в сознание тех поколений, которые поднимались за пятьдесят лет после его смерти.

В пору великой переоценки всех ценностей, в пору, когда создавался новый мир, искусство Чехова закономерно осталось в сокровищнице русской культуры, и наследники с любовью приняли это прекрасное наследство.

Книги Чехова помогают жить. Их лиризм и любовь к человеку близки сознанию светского молодого читателя, и с томиком Чехова в руках благодарный поток не раз поманет имя писателя, который в эпоху темную и печальную умел писать правду и возвышенно.

Имя Чехова известно всему миру. Его книги еще при жизни не только покорили читателей, но и являли на целое поколение западноевропейских и американских писателей. Чехов наряду с Мопассаном является основоположником того маленького, полного жизненной правды рассказа, который определил развитие новеллы XX века. Чехов создал новую литературную форму, отличную от прозы девятнадцатого века; его проза лаконична, проста и изящна; музыка его речи в такой же степени определила движение русской литературы, как проза Гоголя и Льва Толстого.

«Время бежит быстро», — писал молодой Чехов, но он обогнал время и подогнал его себе. С каждым годом все более и более время приближал к нам Чехова — он с нами ныне не только на путях нашей советской литературы, но и в нашей повседневной жизни, украшенной тем великим действием и великими делами, приход которых возвещал в своих проникновенных книгах великий русский писатель.

Вл. ЛИДИН

А. П. Чехов в своем рабочем кабинете в Ялте.

О ТРУДЕ ПИСАТЕЛЯ

Пишите о том, что вы сами видели.

Надо писать просто.

Чтобы из куска мрамора получить лицо, надо удалить из него все, что не есть лицо.

Знаете, как нужно писать, чтобы вышла хорошая повесть? Вот как на военном корабле на палубе: там нет ничего лишнего, — так следует делать и в рассказе...

Краткость — сестра таланта.

Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, частям предложения... Так бы и учился писать...

Художник должен всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе он не может жить.

Каждый день непременно надо работать.

Писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые влекут нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не утом, а осем существом, что у них есть какая-то цель.

ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Произведения Антона Павловича Чехова пользуются в нашей стране огромной популярностью. Мы чуть ли не ежедневно слышим их по радио, в концертах. С театральных афиш не сходят названия чеховских пьес. Многие его рассказы широко известны. Огромными тиражами издаются книги великого писателя.

За годы Советской власти в СССР вышло 1 015 изданий произведений Чехова общим тира-

жом 39 548 тысяч экземпляров на 68 языках народов СССР и на иностранных языках.

Только на русском и украинском языках выдано 590 изданий тиражом 36 623 тысячи экземпляров.

Произведения Чехова печатаются и на языках народов, которые до революции не имели письменности. Книжки великого русского писателя читают в своем родном языке индейцы, иберийцы, лезгинцы, ногайцы, татары и другие народы. Бессмертные творения Чехова дошли до самых отдаленных аулов и айятов. Они стали любимыми книгами советских людей.

ОБЛИЧИТЕЛЬНАЯ СИЛА ЧЕХОВСКИХ ОБРАЗОВ

Чехов — наш боевой современник. Своими бессмертными творениями он активно участвует в той борьбе, которую ведет советский народ за торжество коммунизма.

Секрет молодости художественных образов Чехова в их подлинной реалистичности и типичности. Сегодня, как и вчера, они помогают нам осоздать более, сокращая старое, мешающее прогрессивному человечеству утвердить новую жизнь. Именно поэтому так высоко ценили и любили произведения Чехова великие вожди трудящихся В. И. Ленин и И. В. Сталин. Не раз обращались они к чеховским образам как к верному и действенному оружию в борьбе с врагами народа, предавшими, реакционерами различных партий.

* * *

В 1922 году на страницах журнала «Русская мысль» появилась повесть Чехова «Палата № 6». Это произведение глубоко взволновало Владимира Ильича, вызывая тогда в Самаре интерес к рассказу А. И. Ульянова-Елизарова, вспоминающему о разговоре, который был у нее в тот момент с братом. Ленин так выразил свое впечатление о повести Чехова: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог остаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня такое ощущение, точно и я заперт в палату № 6».

Владимир Ильич, вспоминает А. И. Ульянова-Елизарова, «особенно любил Чехова». С живым интересом читал Ленин каждое новое произведение своего современника — гениального художника слова. В 1900 году он присутствовал на постановке пьесы «Дядя Ваня» в Московском Художественном театре.

О неизменном внимании Ленина к творчеству Чехова свидетельствует и такой характерный факт. В годы гражданской войны, поголовный многообразной и сложной деятельностью по руководству молодым Советским государством, Владимир Ильич находил время для чтения книг Чехова. Это видно по специальным пометкам Ленина на страницах «Ижикной летописи». Он просил тогда своих помощников снабжать его советскими изданиями произведений Чехова и критических работ о нем.

Исключительно высоко ценил Чехова и великий продолжатель дела Ленина — И. В. Сталин. В годы Великой Отечественной войны Иосиф Виссарионович назвал Чехова в числе имен, составляющих славу и гордость нашего народа.

Обращаясь к различным чеховским художественным образам, Ленин и Сталин не только всесторонне раскрывали их социальную сущность, но и оживляли и углубляли эти образы в новых исторических условиях. В результате литературные образы обоглащались новым содержанием, становились еще более выразительными.

Новое политическое звучание получили в произведениях наших вождей знаменитый чеховский тип Белikov. В этой мрачной фигуре Ленин и Сталин видели не только ничтожного труса: они воспринимали ее как символ косности, рутинности, как олицетворение консерватизма, отсталости и реакционности, мешающих человечеству идти вперед. И потому они знали не зная страха и усталости в благородной борьбе с политическими «человеками в футляре», с гнусной психологией Беликовых.

Ленин обращался к этому образу, чтобы осмыслить и разоблачить врагов трудового народа. В статье «Внутреннее обозрение» (1901) он убедительно показал, что царские сановники-бюрократы «подозрительно относятся ко всем, кто не похож на голеголового Акакия Акакиевича или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре». Чеховский образ привлечен здесь для характеристики холоски преданных самодержавию буржуазных политических деятелей.

Ленин приволял к позорному столбу многих Беликовых — ренегатов революции, которые руководствовались в политической борьбе трусливой формулой чеховского героя «как бы чего не вышло». «Человеками в футляре» Ленин называл в своей книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905) меньшевиков-новокисровцев, занимавших вредную, антинародную позицию в вопросе о буржуазной революции в России.

Сопоставляя высокую оценку германской Партии Коммуны, данную Марксом, с низостью трусливых, предельскиски, завладевших Пявлянов по поводу подавления царизмом вооруженного восстания московских рабочих в декабре 1905 года («Не надо было брать за оружие»), Ленин саркастически писал:

«О, как насмехались бы тогда над Марксом наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносаче в России 1906—1907 гг. революционную романтику! Как издевались бы люди над материализмом, экономистом, врагом утопии, который преклоняется перед «опытностью» штурмовавшей в 601 Сколково бы слез, синхродельного свема или сострадания пролившей синтарских тенденций, утопии и проч. и проч., по поводу этой оценки «небу рвущегося движения!»

Тут человек в футляре предстает перед нами как политический деятель, ипуганный смелым народным выступлением, стремящийся сдержать революционную ярость масс.

Ленин сравнивал с Беликовыми и политическими деятелями русской буржуазии — кадетов, которые перед лицом надвигающейся народной бури всячески стремились своей «осторожной» политикой сохранить царскую Думу. Этот же художественный образ помог Владимиру Ильичу заклеймить ренегата Каутского, заклятого врага диктатуры пролетариата.

В лекционном духе использовал тип «человека в футляре» и И. В. Сталин. Характеризуя правых оппортунистов, пытавшихся реставрировать капиталистические отношения в нашей стране и повернуть ее вспять, он говорил в своем докладе на XVI съезде партии, что «они болеют той же болезнью, которой болен известный чеховский герой — Беликов. Болезнь эта — болезнь нового, неумение подойти по-новому к новым вопросам».

В рассказе «Учитель словесности» Чехов изобразил преподавателя географии Ипполита Ипполитовича, изрекающего такие неоспоримые истины, как «Волга впадает в Каспийское море», «Лошадь кушает овес и сено». Эти шаблонные рассуждения, так ярко характеризующие пустоту и плоскость ума Беликова, привлек в своей статье «Путь боякота» (1907), чтобы изобличить меньшевиков, пытавшихся слезно изобличить «бесспорной жеманкой в духе чеховского учителя географии обойти вопрос о сложности революционной тактики».

Показательно и то, как творчески использовал Ленин повесть Чехова «Душечка». Героиня этого произведения Ольга Семеновна Племянникова — тип сентиментальной женщины, лишней какой бы то ни было самостоятельно. Ленин одобряет чеховской героине псевдореволюционера Старовера-Потресова.

«Приветствуемый «Освобожденный», — писал Владимир Ильич Ленин, — тов. Старовер продолжает в новой «Искре» катиться в трехколесном санях (по неразумию) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антирепером и говорила: мы с Ванюшкой stiamo серьезные письма. Потом жила она с торгующим лесом и говорила: мы с Васиской возмущены высоким тарифом на лес. Наконец жила с ветеринаром и говорила: мы с Количкиной лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартьянова. «Мы с Мартьяновым» ругали Ленина. Милая социал-демократическая Душечка! в чьих-то объятиях очутиться ты завтра!»

Едким и тонким сарказмом пронизана эта лекнская характеристика одного из столпов меньшевизма.

Каждый из нас еще со школьной скамьи помнит образ дикого и грубого утвара Пришибева из одиозного рассказа Чехова. Пришибева в изображении писателя предстает перед нами как изверг и палач, привыкший душить народ. К этому чеховскому типу, нарицательному с предельной силой обозначения, не раз обращался в своих трудах И. В. Сталин. В статье «Головокружение от успехов» (1930), говоря о грубом нарушении принципа колхозного строительства в некоторых районах страны, Иосиф Виссарионович писал: «Как может быть обрыв между этой «политической утварью» Пришибева и политикой партии, опирающейся на добросовестность и учет местных особенностей в деле колхозного строительства? Ясно, что между ними нет и не может быть ничего общего».

В 1938 году Курский обком ВЛКСМ без всякого основания отстранил от пропагандистской работы комсомольского активиста тов. Иванову, попытался исключить его из рядов ВЛКСМ. Отвечая тогда тов. Иванову, Иосиф Виссарионович писал: «Если люди из обкома ВЛКСМ действительно захотят уподобиться чеховскому утварю-офицеру Пришибеву, можно не сомневаться, что они проиграют на этом».

В том же ответе тов. Иванову И. В. Сталин написал следующие многозначительные слова, имеющие глубокий обобщающий смысл: «В нашей стране не любят Пришибевых».

* * *

Помогая раскрыть сложные явления общественно-политической борьбы, чеховские образы обрели в научных трудах и выступлениях вождей нашего народа новую, еще более разную общепонятную силу.

Ленин и Сталин блестяще показали, как великое значение творчества Чехова в наше время, как неоценимую услугу оказывают его творения в борьбе со всем реакционным, вредным, отсталым, отжившим свой век.

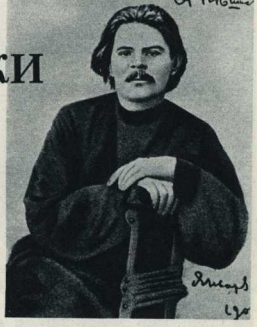
Книги Чехова служили и продолжают служить интересам трудового народа и всего прогрессивного человечества.

А. ШУМСКИЙ

Михаил Златовратский
Тургенев

Антон Павлович Чехов
Антон

ВЕЛИКИЕ СОВРЕМЕННОКИ

Так зарождалась дружба двух гениев, но она не мешала творческому спорам. Чехов иногда упрекал Горького в эллипсизмах стиля, не принимал отдельные его прозведения, в частности первые пьесы, не удалявая их подлинного революционного значения. Горький не раз сетовал, что в рассказках Чехова нет призыва к борьбе и той романтической приподнятости, которая, по мнению Алексея Максимовича, была необходима в годы мутного подъема революционного движения в России.

В этих спорах скакалась разница мировоззрений великих художников слова. Чехов завершил свой ряд русских писателей, представителем критического реализма, отразивших в своем творчестве второй этап развития освободительного движения в России. Горький выступил значительным новой литературой — литературой социалистического реализма. Он явился выразителем третьего этапа русского освободительного движения — движения самых масс.

Сохранилось много документов, которые рассказывают о том, как крепла и росла творческая, не знающая компромиссов дружба Антона Павловича Чехова и Алексея Максимовича Горького.

ПОДАРОК ЧЕХОВА

В апреле 1899 года, после почти полугодовой переписки, Чехов и Горький встретились в Крыму, на берегу Черного моря. Как-то во время беседы Чехов шутя сказал Алексею Максимовичу:

— Писатель, а без часов. Нехорошо.

Горький уехал из Крыма в Нижний Новгород, а вскоре пришла посылка — часы с выгравированными на крышке словами «А. М. Горькому от А. Чехова, 1899 г.»

«ФОМА ГОРДЕЕВ»

Весной 1899 года Горький писал Чехову:

«Читали Вы статью Соловьева о Вас? Мне она не нравится там, где он о Вас говорит, а вообще — бойкая статья и даже веселая. Но, однако, когда все выйдет настоящая критика? В конце концов статья Соловьева поддерживает и укрепляет мое намерение писать о Вас не потому, что я «взвешиваю критику» сообразно, а потому, что могу глубже взять...»

А предельно я напишу поочередный рассказ и посвящу его Вам. Вы ничего не имеете против этого? Скажите...»

Свое обещание Горький выполнил. Его перу принадлежит превосходная статья о повести Чехова «В овраге». Чехов ее посылал не рассказ, а первое свое большое произведение — «Фома Гордеев».

Работая над «Фомой Гордеевым», Горький часто советовался с Чеховым, делился успехами и неудачами. Когда же повесть была окончена, он опять попросил позволения Чехову ее прочитать. Чехов ответил: «Я вообще против посвящения чего бы то ни было живым людям. Я когда-то посвящал и теперь чувствую, что это, пожалуй, не следовало бы делать. Это вообще. В частности же посвящение мне «Фомы Гордеева» не доставит мне ничего кроме удовольствия и чести. Только чем и захочете ли? Впрочем, Ваше дело судить, а мое дело только кланяться и благодарить. Посвящение должно по возможности быть наилучшим слогам, т. е. и написанное только посвящается такому-то» — и будет».

Горький так и сделал. Отдельное издание повести «Фома Гордеев»

«Антон Павлович Чехову М. Горький». Бесконечно многим был обязан Горький своему старшему современнику.

Но и Чехов немало воспринял от Горького. Революционный пафос Горького, его связь с революционным движением вошли на Чехова.

Знаменательен тот факт, что когда в 1902 году по личному приказу царя Горький был исключен из состава почетных членов Российской академии наук, Чехов вместе с другим замечательным русским писателем, В. Г. Короленко, демонстративно отказался от звания почетного академика.

Горький посвящал Чехову много вдохновенных страниц. Нет почти ни одного письма начинающим писателям, в котором он не советовал бы настойчиво учиться у Чехова.

Замечательные воспоминания Горького об Антоне Павловиче заканчиваются следующими прописанными словами:

«Хорошо вспомнить о таком человеке, точнее в жизнь свою возвращается бодрость, снова входит в нее новый смысл».

Г. ЛЕВИН

№ 3 — БИБЛИОТЕКА «ЖИЗНИ» — № 3

М. ГОРЬКИЙ

Фома Гордеев.

ПОВЕСТЬ

Антон Павлович Чехов

1904

Антон Павлович Чехов создал уже такие замечательные произведения, как «Случайная история», «Палата № 6», «Дом с мезонином», когда Максим Горький делал первые шаги в литературе. Проницательный художник, Чехов сразу же разгадал в Горьком мощную силу, призванную сказать в русской литературе новое, яркое слово.

«Читаете ли Вы беллетриста Горького? — спрашивал Антон Павлович в письме к одному из своих знакомых. — Это несомненный талант. Если не читали, то потребуйте его сборники и прочтите для первого знакомства два рассказа: «В степи» и «На лавтах». Рассказ «В степи» сделан образцово, это звуковая вещь, как говорит Стасов».

В следующем письме он отвечает: «Горький, по моему, настоящий талант, кисти и краски у него настоящие...»

Эти отзывы, а их много в письмах Чехова, свидетельствуют о глубокой симпатии, которую возбуждал молодой писатель у Чехова.

ПЕРВЫЕ ПИСЬМА

Чехов прочел первые два небольших сборника произведений Горького, 1898 года. Ему особенно понравились рассказы «В степи», «На лавтах» и очерк «Ярмарка в Голтве». Узнав об этом, Горький осенью того же года послал Чехову свое первое письмо — «обязательство в любви», по выражению Алексея Максимовича.

«...Я хотел бы, — писал он, — объяснить Вам в искренней горючей любви, ко безответно питаю к Вам... Я хотел бы выразить мой восторг пред удивительным талантом Вашим, восхищением и за душу хватящим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тошным...»

Через некоторое время Чехов ответил тем же письмом, в котором горючил: «...Вчера на ночь читал Вашу «Ярмарку в Голтве» — очень понравилось и захотелось написать Вам эти строки... Я очень, очень рад нашему знакомству...»

Так, пока только, на расстоянии, завязалась дружба великих писателей, сиротливая беззаветной любовью к родной русской литературе.

Часы, подаренные Антоном Павловичем Горькому.

Горький с юных лет испытывал чувство безграничного уважения к Чехову. Он ждало учиться у него мастерству, требовательности к себе, любви к людям, учился беспощадному разоблачению мещанства. В одном из писем он говорил Антону Павловичу: «Огромно Вы делаете для Ваших маленьких рассказчиков — возбуждает в людях отвращение к этой скверной, полумертвой жизни — чорт бы ее побрал!»

Театральный и литературный Петербург, не поняв пьес, не разгадав своеобразия чеховской драматургии, не приняв «Чайку». Не справился с ней и театр, находившийся во власти старых театральных штампов. Пьесе не спасла даже чудесная игра В. Ф. Комиссаржевской, трогательно исполнявшей роль Нины Заречной.

А между тем именно эта пьеса впоследствии заложила основы нового театра, оказала большое влияние на развитие русской и советской драматургии.

Старое искусство с его рутинной, с его холодной, сухой, «приводнятой» игрой, с его враждебностью жизненной правде проно

жалось в театре конца XIX века. С ложью и фальшью старого театра боролась наиболее лучшие актеры того времени. К правдивому отображению жизни стремился режиссер Малого театра А. П. Ленский, необходимость ломки старого означал и А. Н. Островский. Посмотрев знаменитую тогда постановку интеллигентской «Мари Стюарт», Островский заметил: «Как все это... портит русских актеров». Он понимал, что пышность, «театральность», искусственные чувства губят театр.

Но многие драматурги и актеры не прислушались тогда к голосу Островского, не поверили, близкий к жизни, к духовным запросам человека, театр, подхватывающий все передовое, зовущий вперед, пробуждающий лучшее в человеке.

Театр нуждался в кардинальной внутренней перестройке. И ее осуществили К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко. Они руководило стремление сделать искусство правдивым, максимально приблизить его к жизни, к действительности.

Реформа Художественного театра возникла не на пустом месте. Станиславский и Немирович-Данченко опирались в своих поисках на наследие русской передовой мысли, культуры и искусства. Они развили и возвели на новую ступень наследие Шекспира — замечательного русского актера, впервые потребовавшего от театра правды. Новый театр призван был не только подытожить лучшее, но и повести искусство вперед. Но такой театр не мог существовать без своей передовой драматургии. Соавителем ее и явился Чехов.

Чехова знали по-своему. Всюду зачитывались его рассказами. Он будил в читателе духовные силы, боролся с пошлостью, взаменял дурное, заставлял верить в высокое значение человека.

Чехова привлекал к себе театр, потому что писатель видел в нем огромную воспитательную силу. Чеховские пьесы не «развлекали зрителя, не увозили его от жизни — они заставляли думать окружающую действительность. Чехов делал это по-новому, по-своему. Уже первая его пьеса, «Иванов», поставленная в театре Корня, носила новаторский характер.

Большая, самоотверженная, даже героическая усилил стоица новаторам искусства, людям, идущим вперед, каждая победа!

Лишь через два года после провала на петербургской сцене «Чайки» попала в молдавский Художественный театр.

К тому времени этот театр уже поставил

Первая постановка «Чайки» на сцене Художественного театра. На сценке: К. С. Станиславский в роли Тимохина и М. П. Ронсарова в роли Нины Заречной.

Рассказывают, что в одну из холодных, мрачных октябрьских ночей 1896 года по набережной Невы долго бродил одинокий, чем-то сильно взволнованный человек. Это был Антон Павлович Чехов, тяжело переживавший полный неуспех первого представления своей «Чайки» на сцене Александринского театра.

А. П. Чехов среди артистов Художественного театра. Сидят: Е. М. Раевская, А. Л. Вишневская, А. Р. Артем, О. Л. Книппер, К. С. Станиславский, А. П. Чехов, М. П. Линина, И. А. Тихомиров, М. Л. Ронсарова. Стоят: Вл. И. Немирович-Данченко, В. В. Луисский, А. Н. Андреев, М. П. Григорьева.

С фотографии 1899 года.

«Царя Федора Иоанновича», «Потопуший колодезь», «Венецианского купца» и еще ряд пьес. Он добился значительного успеха. Но то, что давало ему «Чайку», трудно было сравнить со всем предыдущим. Все, что кавалось в пьесе при первой ее постановке невыполнимым, невероятным и даже нелепым, обрело в спектакле Художественного театра удивительную позитивность, глубокое общественное звучание.

Новаторские устремления Чехова и основатели Художественного театра совпали; это проложило путь новому театру, новой драматургии. Это был поворот искусства к современной жизни, наполнение его большими, светлыми идеями.

Человек чист и силой душой, говорят нам драматурги Чехова, сейчас он страдает, его силы трясает искусство, но он способен на многое. Чехов показывает нам скромную девушку Нишу Заречную, которая, несмотря на свою личную драму, становится сильным, нужным человеком, сестер Прозоровых, Аню — дочь обедневшей дворянки, студента Петью, поручика Тузенбаха, одинокого и несчастливого полковника Вершинина и заставляет нас оглянуться в эти человеческие души, полные красоты, самоотверженной любви, жажды дела, труда, подвига. Чехов не идет дальше тех шагов, которые просты скромных домов, где они рождались, живут, умирают, как Тузенбах или Трелпел. Но мы видим, как широк мог быть размах творческой деятельности этих людей, потому они только возмужали и применили свои силы, способности, таланты, которые душно самолюбливали.

И все, что делал Художественный театр, с его поисками тончайших оттенков в сценическом образе, во имя которого оживали на сцене и вещи, и звуки, и свет, передающие характер, настроение, — все как бы было создано для пьес Чехова, так же как пьесы Чехова помогали дальнейшим углубленным поискам театра.

«Чайка» в постановке Художественного театра покорила публику тем, что жизнь, правда, мысль вошли на сцену во всем — и в малом и в большом. «Публика переставала ощущать театр», — пишет Немирович-Данченко об этом спектакле, — «точно эта простота, эта скромная, властная тишина вечера и полуполнозвучающая ее, а прорывавшаяся в актерских голосах ноты скрытой скорби заколоуывали. На сцене было то, о чем так много лет мечтали беллетристы, посещавшие театр, — была естественная, а не театральная жизнь в пределах человеческих и, однако, сценических столкновений».

Победа определялась сразу. Однако спектакль не был победой только метода, только новой «игры» — это была победа искусства, вошедшего в жизнь. Знакова себе право на такую откровенный разговор со зрителем, на такую широту и современность темы, театр мог держать дальше. Он нашел пути народного, передового искусства.

В знак этой огромной победы изображение детей чайки распростерлось на занавесе Художественного театра, чайка как эмблема театра znalazла на его билетах, программах, афишах. Маленькая эмалевая чайка — это натуральный значок работников театра.

Чистое, светлое отношение Чехова к жизни и в то же время непримиримость ко всем недостаткам входили и в быт театра, обогащали творчество актеров. Немирович-Данченко вспоминает потом: «За кулисами театра, в самом его быту, все туше и определенное складывалась полоса — если можно так выразиться — чеховского мироощущения. Как потом, лет через пять, начнет выплывать, рельефно вырисовываться вадутая жила горьковского мироощущения. Это имело очень большое влияние на все искусство нашего театра».

Все, что писал Чехов, по праву принадлежало Художественному театру. «Дядю Ваню» Чехов вернул старому обещанию, вначале должен был отдать в Милый театр. Но для постановки пьесы требовалось одобрение ее неким «Театрально-литературным комитетом». Комитет решил внести в третий акт поправку, в которой сказались все бедности и тулая ограниченность чиновников по их мнению, желая было допустить, чтобы в Серебрякова, профессора университета, дипломированное лицо, строгий из писателя. И Чехов, ничего не отвлекаясь, передал пьесу Станиславскому и Немировичу-Данченко. Так «Дядю Ваню» стал по-

Пьеса «Иванов» в постановке Таганрогского драматического театра имени Чехова. В роли Иванова — артист С. С. Лавров, в роли Борнина — артист В. А. Волков.

«Дядя Ваня» в постановке Львовского украинского театра имени М. Заньковича. В роли Серебрякова — народный артист УССР Л. О. Дударев, в роли Соии — заслуженная артистка УССР И. Т. Доцюно. Фото Л. Раскина.

Драматургия Чехова знала и любит во многих странах мира. На снимке: сцена из II акта пьесы «Три сестры» в постановке Бугарестского национального театра имени И. Карадзале. В роли Маньи — заслуженная артистка Зальмана Гогити, в роли Вершинина — народный артист Румынской Народной Республики И. Балтачуи, в роли Тузенбаха — заслуженный артист Румынской Народной Республики Раду Белгину.

ГЕРОИ ЧЕХОВА НА ЭКРАНЕ

жаемого, песни, которые привели нас к сцену простую, правдивую, естественную жизнью людей, выявляли самые большие, самые обобщенные философские выводы. Жить так нельзя — вот вывод, который делала все. Это вывод удивительно подкреплена та жизненность и достоверность, с которой артисты играли пьесу. Огромную содержательность, осмысленные жизни, тек на сцену Станиславский в роли Астрова. Тоска Астрова по иной, настоящей жизни была и его тоской, она только говорила динамичными чеховскими словами. А из больших доверчивых глаз Соли смотрела чистая душа Давыдова. Тоска Астрова совпала с верой Соли: «Мы увидим небо в алмазах... Мы отдохнем, мы отдохнем».

Постановка «Ядлы Вани» была возобновлена через сорок с лишним лет в МХАТе режиссером М. Н. Козловым. Глубокая философия осмысленная трактовка образа Войничского артиста М. Б. Г. Добронравовым и В. А. Орловым как бы повернула нам пьесу в иной стороны: тема мужества, умения человека пройти через все испытания и не сломаться вышла (особенно в исполнении Добронравова) на первый план.

...Бело-розовые ветви цветущей яблони заглядывают в окна вместе с рассветными лучами. По комнатам идет Раневская — Киншпер, радостно и вместе с тем робко приветствуя мир своего детства. Здесь она родилась, выросла, здесь она не могла, не умела быть счастливой, нужной себе и людям, хранив красоту этого высшего сада, этой родной земли... Какие печальные тени бегут по лицу артистки, как хорошо передает она это неопределенное ощущение ваны Раневской перед жизнью и детское — только детям оно свойственно — желание заглушить это даже непонятно ею как следует звуку! И рядом с ней другой большой ребенок — ее брат Гаев — Станиславский. Неправильный, честный, но такой бессильный...

Чехов всегда верил в духовные силы человека, которые помогут ему подняться над пошлостью, над никчемностью. Поэтому в «Винновом саду» рядом с образами Раневской и Гаева существуют Аня и Пети Трофимов. Все обилие их — в радостном предчувствии новой жизни. Их не огорчают, не страшат неудачи: ни неустроенность петливой жизни, который все еще не кончил университета, ни явное разорение Ани, оставшейся после продажи именины почти без крова. Они видят эту новую жизнь, слышат ее притивный, могучий гул — и идут ей навстречу смело. «Прощай, старая жизнь», — говорит Аня в заключительной сцене пьесы.

«Винновом саду» за сик пол идет на сцене МХАТа. Роль Ани играла молодая артистка, и все ярче и ярче становится краской этого образа, несущего любовь Чехова к жизни.

«Три сестры» — наиболее совершенное произ-

ведение Чехова, полное глубокой, чистой поэзии силы и мужества человека. Кажется, все страдания Нины Заречной — подстреленной чайки — и сложенная жизнь Трелева, боль Войничского, похороненного таланта, одиночество Соли и неудачливость Астрова — жизнь Чехова о забытом человеке вылилась в замечательную, светлую, хоть и дорого оплаченную веру сестер Прозоровых: «Надо жить!».

Спектакль этот был поставлен дважды — в 1901 году и затем почти сорок лет спустя. В разное время осуществлены эти постановки замечательной пьесы художника — проводила будущее, — но действительность показала, что неуверенные пьесы Чехова всегда молоды, и в советскую эпоху они звучат с такой же силой.

«Три сестры» покорили зрителя, как и все чеховское, своей ясностью, чистотой и проникновенным в жизнь. Вершини — Станиславский, Тузенбах — Качалов, Чекушкин — Артем, Миша — Киншпер-Чехова, Ольга — Славичка — это были огромные артистические удачи.

Казалось бы, трудно сыграть после этого вторично. «Три сестры», не дублируя сделанное раньше. Но Немирович-Данченко, ставя спектакль, решил его в большой, органической связи с современностью. И родился новый спектакль, поразивший всех каким-то особым звучанием: звучанием орешей и возмужавшей чеховской мечты. Все в нем было просто, правдиво и мужественно; и содержание и художественные приемы исполнения. Это была, по простоте и изяществу, законченность формы и содержание и весь дух постановки. Тонкая, прозрачная ткань чеховского письма, поэтичность образов не были ни нарушены, ни подчеркнуты. Только Чехову свойственно такое единство простоты и изящества, законченности формы и глубина идеи, которые передал Немирович-Данченко в постановке 1940 года. Так же мечтали сестры Ольга, Миша и Ирина о счастье, так же одиноко жил Чекушкин и бессмысленна смерть Тузенбаха, так же печален был уход военных из города, уносящих вместе с собой все светлое из жизни трех сестер, но артистка покидала театр не с мятущейся душой, унося с собой не тоску, а чистую радость, удовлетворенность творческой силой жизни.

Художественный театр, мучимый обаянием гения Чехова, среди больших своих заслуг перед русским зрителем обладает одной, особой: именно на его сцене с глубокой необычайной открылся чеховская драматургия, и в подлинно реалистической ослеп ослепил потугами образа Чехова. Это не случайность. Это — единение искусства, литературы и театра, озаренного жизнью, несущего светлые идеи людям.

И. ВЕЛЕХОВА

Сцена из одноактной пьесы А. П. Чехова «Предложение» в постановке Государственного театра-студии при Государственной консерватории музыкального и драматического искусства. В роли Поповой — И. Вильчкова, в роли Смирнова — В. Ранг.

Экранизация литературного произведения всегда связана с большими трудностями. Фильм должен донести до зрителя не только писательского замысла, но и одновременно быть самостоятельным произведением кинематографистов.

Особую трудность представляет киноэкранировка произведений Антона Павловича Чехова. Вспоминается режиссеру К. С. Станиславский, объясняя, почему трудно ставить фильмы Чехова, что Пушкин, поэтично и нежно, как Тургенев, строго и лаконично. Лишь Чехов — Чехов, как он пишет, как Чехов».

Как Чехов... Вот это непостижимо чеховское настроение должно гонять, прочувствовать и перевести на специфичный язык кинематографистов, создателя фильма. Только тогда ни с чем несравнимо волнующее, пронизывающее все произведение Чехова, вырывается из него, попадает в атмосферу чеховского рассказа, за несолькими страницами которого стоит широкая поэтика человеческой жизни.

Нужно обладать большим художественным чутьем и безупречным мастерством, чтобы правильно перевести на экран чеховский пейзаж и чеховских героев во всем их удивительном своеобразии.

Советская кинематография создала ряд кинофильмов по чеховским произведениям. Еще в 1929 году режиссер Я. Протазанов поставил кинокомедию «Анна и люди», а в 1930 году кинорежиссеры «Анна на шее», «Смерть чиновника», «Хамелеон». Народный артист РСФСР, народный артист в этом фильме народный артист СССР И. М. Москвин, мастерски вышедший образ Лопатина — подлинный актерский талант.

В 1937 году киноистория «Влюбленный инсценарист» режиссера «Налим» (Режиссер — С. Слоновский). Вскоре в той же студии режиссер И. Анненский поставил фильм «Медведь», который и до сих пор не выходит с экрана. Успеху этой киноистории в значительной мере способствовало мастерство таких исполнителей, как О. Андреева и И. Анненский.

В 1938 году киноистория «Советская Беларусь» режиссировала рассказ «Маска». Режиссер С. Слоновский, в котором воплотил эту киноисторию, особенно ярко удалось поставить один из главных персонажей этого фильма, в котором директор банка Настюхин, названный Белоухин и другие «деятель» в значительной мере выходящий за пределы вымышленной действительности, страстно подсаживая в ящик пьяного миллионера Питтворова. Препричине подсаживая вымышленного застать, который вынужден забыть об идеальности, который только что их подхватил режиссер Филандер.

В 1939 году в киноистории «Идеальный режиссер Я. Фрид создал по мотивам двух чеховских рассказов — «Журиги» и «Сельские акушалки» — интересный кинофильм «Журиги». В этой картине снимались И. Москвин (большой Воинигласов), И. Ильинский (фильмщик Куртин) и Е. Корганова (Александровская (дочка Марья Запискина)).

В 1944 году вышел на экраны фильм «Юбилей», поставленный режиссером Я. Леонидовым по одноименному рассказу Чехова. В этом фильме участвовали артисты Московского Художественного академического театра Зуева, О. Андреева, В. Станицын и В. Топорков, создавшие незабываемые образы чеховских персонажей.

Режиссер И. Анненский неодинократно и плодотворно работал над киноисторией богатейшего чеховского литературного наследия. Из работ режиссера особо должны быть выделены фильм «Человек в футляре» и фильм «Медведь» в роли учителя греческого языка Белонова. В этом фильме И. Хвелев с большим мастерством обрисовал остроумно и трезво пустоту внешне благопристойной чинши, из которого страх вытравил все мысли и чувства. У зрителя навсегда осталась в памяти фигура Белонова, бредущего в солнечный день по улице в огромных сапогах, который в руке. Эта фигура отрабывала иранскую, зловещую тень на все живое.

Несколько позже И. Анненский поставил в той же киностудии «Советская Беларусь» чеховскую сцену «Славянка», дадо восхищающую уродливую мешанку нравы. В дальнейшем И. Анненский снова обратился к творчеству Антона Павловича Чехова, поставив полнометражный цветной художественный фильм по рассказу «Анна на шее» (Московская киностудия имени Н. Горького).

Кроме «Анна на шее», в 1954 году экраны выпущено еще несколько чеховских фильмов. Режиссер Юрий Бондарев поставил рассказ «Беззащитные». Режиссер А. Золотницкий поставил цветной фильм «Налим по мотивам рассказов А. Чехова «Налим», «Быть дело» и «Из записок влюбленного человека».

И. ПАВЛОВ

*Герои Техова
на Экране*

Войнигласов садится и раскрывает рот. Куратын хмурится, глядит в рот и среди помелтевших от времени и табуки зубов усматривает один зуб, украшенный зияющим дуэлом.

«Хирургия». Дьячок Войнигласов — И. Мосинин. Фельдшер Куратын — И. Ильинский.

Налим вдруг неожиданно делает резкое движение хвостом вверх и рыболовы слышат сильный плеск... Все распрыгивают руки, но уже поздно; налима — поминай как звали.

«Налим».

Смирнов. Держать револьвер нужно так... (В сторону) Глаза, глаза! Замигательная женщина!

«Медведь». Вдова Попова — О. Андровская, помещица Смирнов — М. Жаров.

Она спела с чувством «Внут витры», потом еще романс, и еще, и всех нас очаровала, — всех, даже Белинова.

«Человек в футляре». Учитель Беликов — Н. Хамелев, Барында — О. Андровская, ее брат — М. Жаров.

Хирин (Татьяне Алексеевне). Вон. Искалеку! Исконеркаю! Преступление совершу!

«Юбилей». Бухгалтер банка Хирин — В. Топорков.

*Герои Телова
на Экране*

И мальчики, приходившие к Ане в гости, обыкновенно в равных сапогах и в поношенных брюках, тоже должны были выслушивать наставления.

«Анна на шее». Аня — А. Ларионова, ее муж — Модест Алленсгич — В. Владиславский.

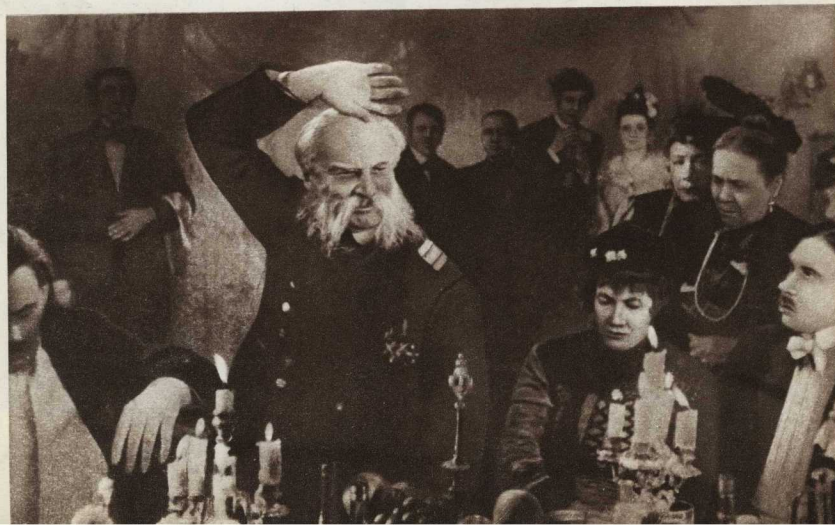
Дверь отворилась, и в читальню вошел широний, приземистый мужчина, одетый в нучерский костюм и шляпу с павлиньими перьями, в маске. За ним следом вошли две дамы в масках и ланей с подносом...

— Сюда! Здесь и прокладное будет, — сказал мужчина. — Становь поднос на стол... Садитесь, мамзели! Же в при а ля тримонтран!

«Маски». Миллионер Пятитворов — С. Колюков.

Ревунов. Какая гадость! Какая низость! Оскорбить так старого человека, моряка, заслуженного офицера! Будь это порядочное общество, я мог бы вызвать на дуэль, а теперь что я могу сделать?

«Свадьба». Кадриль. Это рагга в отставке Ревунов-Караулов — И. Коновалов.

Антон Павлович в Москве

В один из ноябрьских дней группа московских юношей и девушек собралась на экскурсию по чеховским местам столицы. Тут и учащиеся ремесленных училищ, и рабочие, и школьники. Экскурсовод — студентка Филологического факультета МГУ Маргарита Борисова начала экскурсию кратким вступительным словом:

— Антон Павлович Чехов родился в Таганроге. Однако большую часть жизни он писал в Москве.

НА ТРУБНОЙ УЛИЦЕ И ПЛОЩАДИ

На Трубной улице «в подвальном этаже дома царина св. Николая на Грачевке, в котором пахло сыростью, и через окна по толстым оконным выдвинутым только пятны проколов», поспешная семья Чеховых, приехавшая из Таганрога, «в эту-то квартиру и въехал к

Москве. И поэтому наш город занимает немалое место в его творчестве. В Москве происходит действие многих — его произведений: «75.000» на Тверском бульваре, «Тонкий» и тончайший «Гитарист» вокала, называвшегося тогда Николасом. Действие рассказов «Прощание славой» и «Три года происходит в Сокольниках, а Трубная площадь, которой назовутся наша экскурсия, вошла в название сценки «В Москве на Трубной площади»».

чина смешной расказ и на популярный гонорар купил матери именнинный пирог. Первый рассказ был подписан «...», второй — «Антоша». Это были «Письмо донского помещика Степана Владимировича X к ученому соседу Яру Фридриху» и «Что чаще всего

Старая Москва. Питчий базар на Трубной площади.

нам в конце 1879 г. наш брат Антон... приехавший в Москву поступил в университет... пишет в своих воспоминаниях Михаил Чехов.

Дом этот не сохранился, как не сохранились все убогие здания, примыкавшие вплотную к театру «Форум». Но уцелел дом Савицкого (сейчас № 23) на той же Грачевке, куда семья Чеховых переехала осенью. Здесь началась литературная деятельность Антона Павловича. Рассказывают, однажды в семье Чеховых готовились и именную ватруку. Так как денег на подарок не было, то Антоша со-

встречается в романах, повестях и т. п.» Обе вещи были напечатаны в журнале «Стрекоза».

Вскоре во многих юмористических журналах замечали подписки: «Благородный человек», «Брач без пачетов»: «Человек без селезенки», «Антоша Чехонте». Это были псевдонимы Чехова. В ту пору писал он «матюшки», по 200—300 вещей в год: рассказы, сказки, заметки, рецензии, судебные отчеты, изменения, шарлады.

В ту пору Чехов занимался не только литературой: он учился на медицинском факультете Московского университета.

Группа молодежи на экскурсии по чеховским местам в Москве. «Где это тут был питчий базар?» — спрашивает один из экскурсантов.

ПИСЬМО ГРИГОВИЧА

Оригинальное решение вопроса, врач или литератор, помогло писем известного писателя Д. В. Григоровича, автора «Антоня Горемыки».

«Вы, я уверен, признаете и тому, чтобы написать несомненно превосходный, истинно художественный произведение», писал Григорович. — Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете ваших ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение и талант, который дастся редко. Бросьте срочную работу. Я не знаю ваших средств: если у вас их мало, поладьте лучше, как мы в свое время, поберегите ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного

го, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения».

Письмо «порвало» меня, как морина, — отвечал Чехов. — Я еще не заглянул, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою непопость?»

«Досела я относился к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток». Вы надежда на будущее. Мне еще только 26 лет. Мовет быть, успею что-нибудь сделать, хотя время бежит быстро».

В ДОМЕ НА САДОВО-КУДРИНСКОЙ

Чехов переехал в Москву ряд квартир. Дом на Садово-Кудринской улице, 6, где он жил одно время, писатель шутилок называл «дом-юнош».

«Вверху помещался столовая и комната для сынов, внизу большой кабинет Антона Павловича, в котором сверху была устроена музеевня лестница привая из столовой», вспоминал друг Чехова, В. А. Гиляровский.

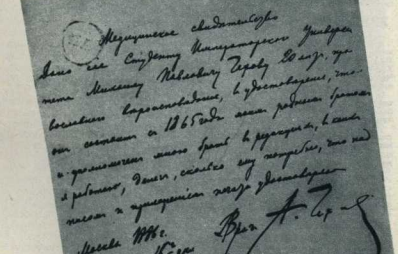
В «дом-юноше» были написаны повесть «Степь», «Случайная история», «Припадок», множество рассказов и в том числе «Водостоя», «Исход» и пьесы «Иванов», «Леший».

На этой квартире у Чехова были написаны повести Григоровича, Лесков, Короленко, поэт Плещеев, журналист Чайковский, художники Левитан.

Однажды здесь произошел некий случай с Владимиром Галактионовичем Короленко. Домашние, не зная его, не хотели сначала пускать. Они приняли Короленко за писателя-самозучку хотели извинять Антона Павловича от назойливого визитера. Впоследствии Короленко всегда находил себе в этом доме приют, так как ему долгое время был запрещен въезд в Москву и в гостиницах он провёл невест.

В этом доме сейчас открыт Музей А. П. Чехова.

В 1886 году Чехов окончил университет. На двери его квартиры повесил табличку: «Антон А. П. Чехов». На письменном столе рядом с чернильницей лежал докторский диплом.

Вот шутилок предписания Чехова — врача и литератора в одном лице.

Вас X. Удалось пройти 6-й уезд, выехали в село... (Text of the story 'Steppe')
 1
 Вас X. Удалось пройти 6-й уезд, выехали в село... (Text of the story 'Steppe')
 1
 Вас X. Удалось пройти 6-й уезд, выехали в село... (Text of the story 'Steppe')

ПОРТРЕТ ЧЕХОВА

Чехову было 25 лет, когда Короленко создал его литературный портрет: «Передо мной был молодой и еще более молодой на вид человек, несомненно выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом... Проста вся дворянин, приема речи была господствующей чертой во

всей его фигуре, как и в его писанине... Назвался, из глаза его струился неисчерпаемый источник остроумия и неподдельного его рассказы. И вместе угадывалось что-то грубоватое, предвещает еще развернуться... Общее впечатление было цельное и обаятельное».

По его словам, он начал литературную работу почти шутя. «Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? Вот».

Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь... это оказался пепельница... «поставил ее передо мною и сказал:

«Хотите, завтра будет рассказ? Скажите «Пепельница»».

И глаза его засверкали, все-таки, Назвался, над пепельницей начинают уже ронять камни-то неоправданные образы, похолопни, прилохонья... Когда я вспоминаю этот разговор, небольшую гостиную, где за самоваром сидела старуха-мать, сонливый улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной, дружной семьи, в центре которой стоял этот молодой человек, обязательный, талантливый, с таким подвижным, веселым лицом на лице, мне кажется, что это была самая счастливая, последняя счастливая полоса в жизни всей семьи...»

ОСТРОВ САХАЛИН

Из дома на Кудринке Чехов уехал в дальние путешествия на остров Сахалин — место невыносимых страданий, на каюте только бывает спящий человек, холерный и подневольный... Так писал сам Чехов об этом острове, который царское правительство превратило в громадную тюрьму и каторгу.

Чехов участвовал на Сахалине во всероссийской переписи, объезжая все селения, познакомился с десятью тысячами людей, погубленных царизмом.

В своей книге «Остров Сахалин» писатель вынес суровый приговор самодержавию.

УЛИЦА ЧЕХОВА

В момент возвращения Антона Павловича с Сахалина семья его жила уже на Малой Дмитровке, сначала в доме № 29, потом в доме № 12 и № 11. Отсюда он уезжал то в Ялту, где лечился от обострившейся болезни — туберкулеза, то в Крым, где был его тетушкой в Мокшине.

Дом Шешкова (сейчас № 11) хорошо сохранился. Чехов жил в квартире № 14, вход с Деягинского переулка.

важный в доме Шешкова, так описывает обстановку этой чеховской квартиры: «Самый уютный столик посреди комнаты, такая же чернильница, перо, карандаш, ящички с книжками и записками, словом, обстановка, тем..., русской лубочной — это была обычная обстановка его непропорционального кабинета... И рядом комната наполненная несколькими эскизами молодых художников, тем..., русской лубочной — это была обстановка, так же уютная, как и в доме Левитана... Рядом с этой комнатой часто шумел самовар, а

вокруг чайного стола, точно наладонной, сменялись посетители. Один приходил, долго уходил. Здесь часто и другое сияло... художник Левитан и поэт Бунин, Владимир Иванович Мамин-Михайлов. Артист нашего театра Вишняковский. Суворовский и многие другие».

Чехов жил на этой улице, где жила писательница и четвертый, дом № 1, где помещалась редакция журнала «Зинкель», в котором сотрудничали братья Чеховы — Александр, Антон и Николай... тесно связаны с памятью великого писателя. Вот почему эта улица названа именем Чехова.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

«Благодарю небо, что, плывя по мятельному морю, я, наконец, попал на такой чудесный остров, как Художественный театр», — писал Чехов в письме к Антону Вишняковскому.

Пьесы Чехова «Дядя Ваня», «Три сестры», «Чайка», «Вишневый сад» были особенно близки духу нового театра.

17 января 1904 года, в день рождения Чехова, на сцене Художественного театра ставился премьерой «Вишневый сад». В этот день было решено чествовать любимого писателя в связи с 25-летием его литературной деятельности. Но этого праздника он не дождался. Чехов стоял у рамы бледный. Он выглядел настолько слабым, что из зала посылались — Сидеть! Пусть Антон Павлович сидит!

Через полгода Чехова не стало.

В рассказе «Невеста», написанном Чеховым за полгода до смерти, лиризатор Саша говорит: «Здесь им было восторжество, точно по волшебству. И будут тогда, в громадных, великолепных домах, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди».

Устами лиризатора Саша велений писатель высказал свою мечту.

МЕЛКОВО

В двенадцати километрах от станции Ловкино, Московской области, расположен небольшой деревенька Мелково. С любого конца деревни дороги ведут к обширному саду, обнесенному простоями деревянной оградой. Сиречь земель деревьев видны мажорные постройки грушевый бременчатый домик с балконом и лесенками.

Здесь с 1892 по 1899 год жил и работал Антон Павлович Чехов.

Переезд писателя в Мелково совпал с годовиной его творческой зрелости, когда он особенно отчетливо ощутил свою кровную, органическую связь с народом.

«... Все мы — народ», — писал Антон Павлович в 1891 году — и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное». Постоянное непосредственное общение с народом становилось творческой необходимостью писателя. «Если я литератор, то мне нужно жить среди народа...» — говорил Чехов.

Ранней весной неурожайного 1892 года, когда русская деревня переживала трудное время, писатель переехал с семьей на постоянное жительство в Мелково.

С первых же дней пребывания в деревне Чехов установил добрососедские отношения с крестьянами. «Я привык и к полям и к людям, и к деревням и чувствую себя дома», — писал он.

Живя в Мелково, писатель многое сделал, чтобы поднять культурный уровень деревни. Он открыл три школы — одну в Мелково и две в соседних деревнях. Эти школы считались в то время лучшими в уезде. Они сохранились по сей день.

Большое общественное значение имела и врачебная деятельность Антона Павловича. На десятки верст вокруг деревни, где жил Чехов, не было ни больницы, ни врачебного пункта. Писатель поощрял оказывать медицинскую помощь населению окрестных деревень. Он принимал больных у себя, давал лекарства. В три года холерной эпидемии Чехов оборудовал на свои средства в Мелково врачебный пункт.

Годы жизни в Мелково — время расцвета таланта писателя. Здесь им было закончено рассказ «Палата № 6», обличающий самодержавно-бюрократический строй. Как известно, В. И. Ленин увидел в этом рассказе обобщенный образ царского России. В мелковский период были написаны «Моя жизнь», «Дом с мезонином», «Человек в футляре», «Ионыч», «Крыжовник», «На покое», «Случай из практики», пьесы «Дядя Ваня» и «Чайка».

Живя в Мелково, Чехов стал глубже понимать сложные процессы, происходящие в деревне в 90-е годы. В «Крыжовнике» «В овраге» и ряде других произведений он правдиво изобразил тяжелую жизнь русского крестьянина.

Многие мелковские крестьяне, будучи нерадивыми, считали, что Чехов — писатель. Они любили его как хорошего человека, как врача, готового в любую минуту прийти им на помощь.

До сих пор хранит мемориальную плиту на доме об Антоне Павловиче. Старожилы Мелкова

любит много случаев, говорящих об отрывности и душевной широте великого русского писателя.

ХОЛЕРА Миша — внуку деду Андрияна Симанова — было всего десять лет, но он уже сидел за спиловым верстаком и работал наравне со взрослыми. Часто здесь, в мастерской, велись тревожные разговоры о неурожае, голоде, о вспыхнувшей в Нижегородской и Воронежской губерниях эпидемии холеры. Странная болезнь косила тысячи людей, она появилась уже и где-то недалеко от Мелихова.

Настроение у мелиховских жителей было мрачное. Только Чехов не унывал. Он ездил по деревням, рассказывая крестьянам, как можно уберечься от холеры, организовывал медицинские пункты и холерные баряки.

На рассвете он начинал прием больных, потом уезжал по вызовам. Иногда он заходил побеседовать к сапожнику Симанову. Однажды Миша больно спросил Антона Павловича:

— А что же с нами будет, если сошла холера придет?

Чехов улыбнулся:

— Ты, Миша, посмотри-ка на себя, эка ты в дегте вымазался. Такого никакая холера не возьмет: испугается!

КАРАСИ Мелководье лежит в низине. Сразу же за околицей начинаются болота, и в самой деревне была заболоченная почва.

Антон Павлович решил помочь крестьянам и на свои средства выкопал из болотистых участков три пруда. Местность стала суше, появилась хорошая вода, да и весь вид деревни изменился.

Вместе с деревенскими ребятишками Чехов посадил возле большого пруда молодые березки. В

каждый свой приезд из Москвы он привозил в маленьких баночках мальков и выпускал их в пруды. Однажды летом, когда к Чехову съезжалось много гостей, устроила торжественное открытие большого пруда. Все деревня от мала до велика собралась поздравлять ферьером. Разноцветные ракетки вспыхивали высоко над землей, отражаясь в зеркале пруда. Особенно радовались деревенские ребятишки: для них была выстроена купальня.

Миша Симанов каждый день ходил к пруду посматривать на крошечных рыбок, развивавших в чистой воде. Однажды он взял удачи и тайком отправился на пруд. Когда он вытаскивал второго караса, позади него раздались тихое покашливание. Миша оглянулся и увидел Антона Павловича.

В ту минуту мальчик вспоминал, как выпускал мальков. Чехов говорил ребятишкам:

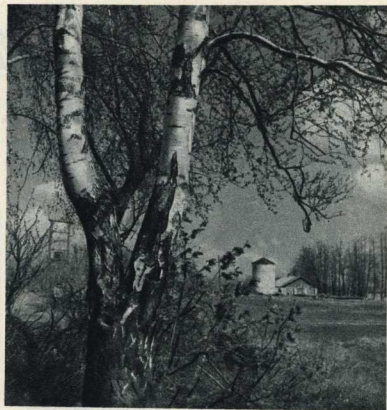
— Подождите немного, вот рыбки подрастут, и будем вместе ловить.

От волнения у Миши перехватило дыхание. Как мог он забыть эти слова? Не помня себя, Миша бросил удачи и убежал. Через час, пробираясь задом к дому, он увидел сидевшего на крыльце Антона Павловича. Рядом стояли злополучные удачи.

— Иди, иди, Миша, — ласково позвал Антон Павлович. — Это же ты испугался? Ведь ты меня этого очень обидел. Вместе с вами мы все делаем: и деревья сажали и рыбу в пруд выпускали, так ведь теперь это наше общее дело.

Ведь не для меня эту рыбу мы выпустили, а для вас! Если тебе уж так хочется, то лови, ведь и ты этому пруду хозяин.

ШКОЛА Миша Журалева была младший брат, Андрияна, часто

забегал к ней на кухню. Антон Павлович обратил внимание на босяцкого мальчика, ходившего в одной рубашке, без штанов, и однажды спросил Манчу:

— Сколько лет Андрию?

— Десять.

— Совсем большой парень. Ему и школу учиться ходить.

— Какое тут учебное? Дома и хлеба-то нет.

На другой день Миша прибежал домой.

— Иди скорее, Андрей. Тебя Антон Павлович зовет.

Чехов встретил мальчика, ласково улыбаясь:

— Мы теперь будем учиться. Пора, пора, — и протянул Андрию ранец, в котором лежали книжки и пенал. — А здесь ему новые штаны и рубашка. — Он передал сверток Мише.

Школа была далеко, за пять верст. Ходили в нее только дети кулаков и торговцев. Не любил он маленького Андрея, часто драмания и колотили беззащитного мальчика.

Терпение Андрию лопнуло, и однажды, возвращаясь из школы, он забросил книжки в пруд. Так кончилась Андриянина учеба. Весной он вновь появился на чеховской усадьбе.

— Ну, как дело со школой? — спросил Антон Павлович.

Мальчик заплакал и все рассказал Чехову.

— Это горе еще на горе, — Антон Павлович погладил мальчика по голове. — А учиться ты все-таки будешь...

Летом на краю деревни закончилась работа: возная лес, доски, железо. Выжидали зиму, стучали топорами. Вокруг постройки целыми днями толпились ребятишки. Антон Павлович строил для них школу.

Осенью все мелиховские дети пришли в новую школу. Пахло свежей краской, тесом. Все сияло: и стены и парты, сияли и лица ребят.

В рассказе «Мальчик» Чехов описал жизнь деревни Мелихово: голод, нищету, пожары, сборы неиможимо. Деревня была глухой и потрясенной бедой. В ней насчитывались сорок восемь дворов, и крестьяне звали себя «сорок восемь нищих». Ни одной школы в Мелихове не было, зато в центре деревни стояли три трактора.

Избы с земляными полами топились, по-черному, освещались лучиной. Хлеба хватало только на два — три месяца. Казалось, не было края народному горю.

«Грязный труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, а в помехи вет и неоткуда ждать ед», — писал Чехов о русской деревне. — Те, которые богаче и сильнее, помочь не могут, так как сами грубы, несчастны и бранятся так же отвратительно...»

Чехов верил в творческие силы народа, верил в светлое будущее. Он чувствовал приближение революционной бури.

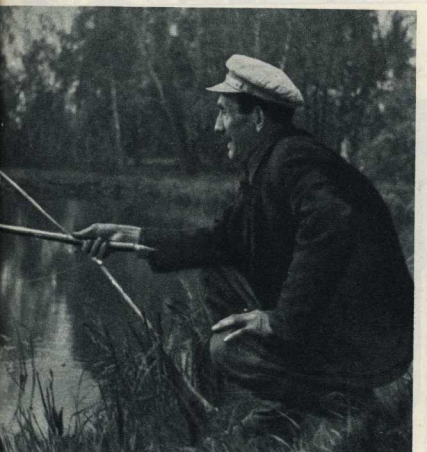
За годы Советской власти круто изменилась жизнь мелиховских крестьян. Они объединились в колхоз, который назвали именем великого писателя. В селе есть школа, библиотека, изба-читальня. Каждый вечер собираются колхозники посмотреть кинофильм или телевизионную передачу, прослушать литературную беседу.

Часть территории бывшей чеховской усадьбы превращена в заповедник.

В маленьком флигеле, служившем великому писателю рабочим кабинетом, открыт музей имени Чехова. Каждый день здесь имеют экскурсии со всех концов Советского Союза.

Когда выпадет янویه и дедушка, подолжанин и мушкетер, и пионер с развернутым знаменем, возлагающих букеты цветов у водопада памятник великому писателю, невольно вспоминаются слова Чехова: «Здравствуй, новая жизнь!»

Ю. АВДЕВ,
К. ВИНГРАДОВА

Иллюстрации Михаил Прокофьевич Симанов.
Фото А. Мондцова.

ХАМЕЛЕОН

Нужна производственная пьеса? Требуется показать современных людей? Пожалуйста... Берем розовое стекло...

Что, не подходит? Нужен конфликт, сатира? И это можем... Берем черное стекло...

Опять не подходит? Тогда как же изобразить нашу действительность?

ПО ЧЕХОВСКИ (ВЗИРАЯ НА)

ТРИ СЕСТРЫ В МОСКОВСКОМ ВУЗЕ

В Москву! В Москву! В Москву!

ИЗ ЖИЗНИ МОЛОДОЖЕНОВ

Дорогой, многофункциональный шкаф!

(«Внешний сад».)

КТО НАМ СТРАНИЦАМ ЛИЦА)

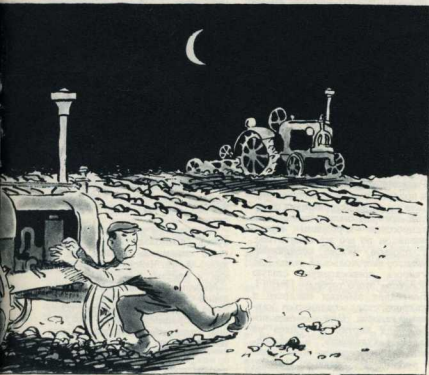
ПРО МЕНЯ ЗАБЫЛИ

(«Вишневый сад»)

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

В некоторых МТС из-за отсутствия запасных частей разбирают годные сельскохозяйственные машины.

...Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем...

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ НА ПИОНЕРСКОЙ РАБОТЕ

«Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло...»

«...Я считаю долгом как старший товарищ предостеречь вас. Вы находитесь на велосипеде, а эта забава совершенно неприлична для воспитателей юношества...»

«А на педагогических советах он просто угнетал нас своей осторожностью, мнительностью и своими чисто футлярными соображениями...»

«Какой-то павлинчик нарисовал в смешном виде меня и еще одну особу, нам обним близкую. Считаю долгом уверить вас, что я тут ни при чем...»

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

В 1869 году Чеховы поселились в двухэтажном доме на Монастырской (ныне Гоголевской) улице.

В 1875 году семья Чеховых переехала на Контorskую улицу (ныне улицы Розы Люксембург).

Библиотека и музей имени А. П. Чехова.

Семнадцатого января 1860 года в семье тагарского мелкого купца Павла Егоровича Чехова родился сын, которого назвали Антоном. В то время семья Чеховых жила в маленьком флигеле на Польшейской (ныне Чеховской) улице. Отец Чеховых переехал в начале 1862 года на Большую, главную улицу города, где Павел Егорович открыл бакалейную лавку.

Безрадостными были детские годы Чехова. Уже будучи взрослым, Антон Павлович не раз с горечью отмечал, что у него в детстве не было детства. Устами одного из героев повести «Три го-

да» он так рассказывал о ранней поре своей жизни:

«Я помню, отец начал учить меня, или попросту говорить, быть, когда мне не было еще и пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего, будут ли сегодня драть меня? Ипать и шалить мне и Федору запрещалось. Мы должны были ходить в утренне и ранней обшуре, немогать полам и мочкам хрипеть, читать дома акафисты...»

Сермяки и унылыми были тагарские будни. Характерный образ жизни в этом городе, Антон Павлович говорил: «60.000 жи-

телей занимаются только тем, что едят, пьют, сподышат, в других интересах никаких... В такой затхлой, давящей атмосфере проходили школьные годы будущего писателя.

В 1869 году, покинув квартиру в центре города, Чеховы переехали в двухэтажный дом Монсева на Монастырскую (ныне Гоголевскую) улицу. Живя здесь, братья Чеховы посещали греческую школу, а затем гимназию. Но гимназия не могла дать широкого знания. Юноша Чехов понимал это и много внимания уделял самообразованию. Он был постоянным посетителем библиотеки.

В 1875 году семья Чеховых переехала с Монастырской улицы на Контorskую (ныне улица Розм Люксембург), где поселилась в собственном доме.

Отец будущего писателя котя и числился мелким купцом, но средства имел незначительные. Жизнь семьи Чеховых из месяца в месяц ухудшалась. Не давали покон долги. Лавка не приносила почти никакого дохода, и ее вскоре пришлось закрыть. Боясь попасть в долговую тюрьму, Павел Егорович тайно бежал из Тагарога в Москву, где учился его старший сыновья.

Три года провлек Чехов в Тагароге без родных. Наконец, в 1879 году, получив свидетельство об окончании гимназии и добившись назначения списками, он уехал в Москву. Однако узнав его с родным городом не оборачивался.

Тагарог всегда оставался для Чехова дорогим и близким. «Поле Москвы», говорил он, — я более всего люблю Тагарог».

Первой писателя безудержно тянуло на родину, и он отправлялся туда. Но его приемом не являлись «отчим города». Они считали Чехова «чуждым» человеком и устанавливали за ним наблюдение полиции.

Посещая Тагарог, Чехов бывал в библиотеке, в театре, посетил гулял в тенистом саду городского сада, слушал музыку, а однажды совершил длительную поездку по родному краю.

Чехов постоянно переписывался с друзьями предпринимателями тагарского индустриализации. Начиная с 1890 года он регулярно присылал в местную библиотеку книги. В одном письме он сообщил: «Я купил всех французских классических писателей и на днях послал в Тагарог. Всего 70 авторов или 319 томов».

Родному городу Антон Павлович подарил всю свою личную библиотеку и много исторических предметов, которые были размещены в Тагарогском городском музее, основанном по его же инициативе. По просьбе Чехова знаменитый скульптор Антоновский отдал для Тагарога превосходную статую основателя этого города — Петра I.

Благодаря заботам писателя в Тагароге стала создаваться картинная галерея. Для нее был подучен ряд картин и этюдов из области художества, а впоследствии — произведения выдающихся русских художников: Ререра, Струвева, Шишкина, Левитана, Кунякина и других.

Чехов страстно желал, чтобы жизнь в этом городе стала прекрасной, неузнаваемой. Но великий писатель не дожид до дней, когда осуществилась его мечта.

Громадные преобразования в Тагароге, как и во всей нашей стране, произошли только после Октября. Из города купеческого и мещанского с мелкой полукустарной промышленностью Тагарог превратился в один из крупнейших индустриальных культурных центров на юге нашей Родины. В городе появились водопровод, электричество, радио. Трамвай в автобусе связали окраины города с центром. Да и сами окраины стали новыми: на месте ветхих лагушек и заросших пустырей появились многоэтажные жилые здания, клубы, больницы. Сейчас в городе имеется три высших учебных заведения, семь техникумов, более тридцати общеобразовательных школ.

Изменились и сами тагарогцы. Они стали активными строителями коммунизма. Несколько тысяч из них отмечены правительственными наградами. Семь тагарогцев удостоены золотой медали Героя Советского Союза, двадцать правительственных наград Сталинской премии. Према Н. К. Кружская, писавшая тагарогцам о том, что не узнала бы Антон Павлович людей Тагарога, которые он так хорошо знал.

Трудящиеся Тагарога свято чтут память своего великого земляка. «Домик Чехова» превращен в мемориальный музей, освещают тагарогский период жизни писателя. Здесь собраны предметы домашнего обихода Чеховых, различные документы, рисунки, картины. В городе созданы также музей тагарогского периода жизни писателя и творческому пути Чехова. В экспозицию музея вошли личная библиотека писателя, его письма и фотографии, библиографическая, критическая и мемориальная литература о нем, произведения писателя, изданные в России и за границей.

По инициативе тагарогского молодежи при школе № 2, которой присвоено имя Чехова, также создается музей. Экспозиция его размещена в комнате, где в 1878—1879 учебном году обучался Чехов. Здесь собрано около двух тысяч разнообразных экспонатов. Среди них литература о Чехове, его письма, фотографии, картины, портреты.

Чеховские места в Тагароге — а их более двадцати — являются прекрасными памятниками культуры русского народа. Однако знаком с родиной Чехова приезжает ежегодно более 100 тысяч экскурсантов из всех стран мира.

В мае этого года мемориальный музей Чехова посетил руководитель рабочей прогрессивной партии Кавказа Тим Бак. В книге отзывов он оставил следующую запись:

«С большим интересом я пользуюсь возможностью посещения этого славного дома, где родился А. П. Чехов, один из великих и светлых умов России...»

Миллионы читателей произведений Чехова во всем мире отдадут дань благодарности своему великому другу за сохранение этого дома Антона Павловича Чехова».

М. КОЛОДЧКО,
старший научный сотрудник
Тагарогского краеведческого музея.

«ЧЕХОВ ЭТО ПУШКИН В ПРОЗЕ»

Летом 1895 года Чехов впервые гостил у Льва Толстого и, как он сообщил знакомым, «прожил у него 1½ суток». Письмо Чехова об этой встрече проникнуто радостным настроением: «Впечатление чудесное. Я чувствовала себя легко, как дома, и разговоры наши с Львом Николаевичем были легки».

Толстому Чехов также «пришелся по душе».

«Чехов был у нас, и он понравился мне, — писала Толстой одному из сыновей. — Он очень дарит, а сердце у него, должно быть, доброе».

В дневниках и письмах Толстого можно найти положительные отзывы о многих повестях и рассказах Чехова. Чехов, привлекший внимание Льва Николаевича еще в 1889 году, становится одним из любимых его писателей. В 1905 году Толстой составил список извлекших «30 хороших рассказов Чехова». Незадолго перед этим Лев Николаевич написал свое послесловие к чеховскому рассказу «Душечка». Много раз он писал Душечку вслух в кругу родных и знакомых и неизменно был глубоко взволнован содержанием рассказа и восхищен мастерством писателя.

Чехов — несравненный художник, — говорил Толстой. — Да, да, именно: несравненный художник жизни... Главное же, он был искренен. А это — великое достоинство в писателе. И благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершен-

ные новизны, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивительный».

Восторгаясь художественным мастерством Чехова, Толстой сему высочайшую оценку: «Чехов — это Пушкин в прозе». Лев Николаевич указывал, что у Чехова «необыкновенная техника реализма», что в его произведениях «все правдиво до малявки».

Но, отдавая должное таланту Чехова, Толстой, как известно, «не принимал» его пьес. В январе 1901 года Льва Николаевича пригласили в Московский Художественный театр на спектакль «Дядя Ваня». Он посмотрел пьесу и записал в дневнике: «Едва сморгнул. Дядю Ваню и возмутился. Захотел написать драму Трупа, написал конспект». Эта изумительная толстовская пьеса, названная впоследствии «Жизнь трупа», наряду с «Дядей Ваней» и другими чеховскими пьесами не сходит со сцены наших театров.

Почему же Толстой отказывался «принимать» драматурга Чехова? «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» казались ему произведениями без действия, произведенными, герои которых, говорят о своих внутренних переживаниях. Впрочем, Толстой признавался, что он плохо знает среду, где живут герои чеховских пьес.

Один из современников писателя, П. П. Гнедич, говорил о своем разговоре с Антоном Пав-

ловичем об отношении Толстого к чеховским пьесам:

«— Вы знаете, он не любит моих пьес — уверяет, что я, драматург! Только одно утешение у меня и есть...

— Какое?
— Он мне раз сказал: «Вы знаете, я герцег не могу Шенсипра, но ваши пьесы еще хуже. Шенсипр все-таки хватает читателя за шиворот и ведет его к известной цели, не позволяя свернуть в сторону. А куда с вашими героями деться? С дивана, где они лежат, — до чулана и обратно!» И сдержанный, спокойный Антон Павлович откидывает назад голову и смеется так, что пенсне падает с его носа...»

Питая взаимное уважение, Толстой и Чехов находили друг у друга такие стороны, которые они осуждали. Толстой, например, горючил тем, что Чехов, по его выражению, был «совершенный безбожник», а Чехов твердо выражал свое несогласие с толстовским «всочувствием».

Но Чехов сумел отделить от реакционных религиозно-философских воззрений Толстого здоровое начало в его творчестве.

Смелая, беспощадная критика, которую Толстой в своих произведениях обрушивал на самодержавие, казенную церковь и правящие классы буржуазного общества, вызывал у Чехова глубочайшие симпатии к великому художнику.

А. П. Чехов и Л. Н. Толстой в Гаспре, 1902 год.

ЖИЗНЕННЫЕ КНИЖКИ

тает книги — это его истинное призвание; здесь он артист и испытывает наслаждение. К нему ходят переплетчики, любитель уцености. Таинно по ночам занимается наукой.

Чиновик дерет сына за то, что он по всем предметам получил 5. Это кажется малым. Потом, когда ему разъяснили, что он не прав, что 5 — это лучшая оценка, он всякий выскек сына — с досады на себя.

Менщины без мужского общества блещут; а мужчины без женского глумлют.

Мнение профессора: не Шенсипр глупее, а признание и неву.

У бедных просить легче, чем у богатых.

Девочка с восхищением про свои туфли: она очень красивая, красная, как наша собака!

Он любил литературу, которая его не беспокоила, т. е. Шиллера, Гёте и Т. п.

Старик 80 лет говорит другому 60 лет стидю, молодой человек.

Дамы жалуются: пишу сыну, чтобы самуго субботу, но не больше. Он отвечает: почему же в субботу, почему в понедельник? Я пишу, почему же в понедельник, а не в вторник? Почему, хороший чн, а замучилась я с ним.

— Купите у меня сюжет рассказа. Дешево уступлю. Особенно, если оптом. У меня несколько запасных книжек с сюжетами, — смеясь, предлагает Чехов посещающим его писателям.

В эти книжки он заносил темы, мысли, наблюдения, чтобы в дальнейшем использовать их в своих произведениях. Чехов умел «схватывать» мысли, на лету и закреплять в коротких, выразительных записках. Вот некоторые из них, оставшиеся неиспользованными.

Бездарный учитель, тулупа, прослуши 24 года, не сделал ничего хорошего, да миру десятки тысяч не бедных ученик чеховых, как он сам. Таинно по ночам он перепле-

«Надо», — писал Антон Павлович, — иметь смеельсть и авторитет Толстого, чтобы идти наперекор всяким запрещениям и настроением и делать то, что вамит дело».

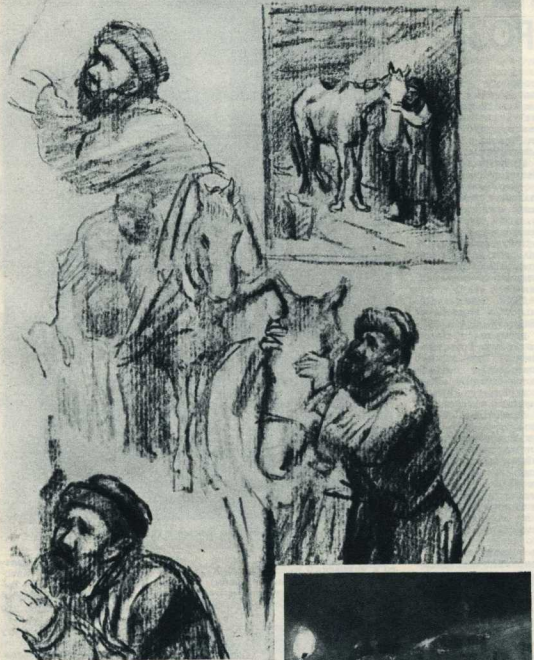
Свое отношение к Толстому Чехов высказал словами: «Я ни одного человека не любил так, как его...» А о любви Толстого к Чехову мы знаем не только из писем и дневников Льва Николаевича, но и из многочисленных воспоминаний о нем. Особенно хорошо рассказывал об их взаимоотношениях Горький. «Чехова у меня любил всегда», — свидетельствует Алексей Максимович.

Кстати, именно Чехов обратил внимание Толстого на самые ранние произведения Горького, а затем познакомил писателя. Встречи Толстого, Чехова и Горького в самом начале XX века — одна из самых значительных и волнующих страниц истории нашей литературы. Встретились корифей русской классической литературы XIX века с молодым буржуазным пролетарской революцией — родоначальником литературы социалистического реализма.

В руки «настоящего человека из народа», как назвала Горького Лев Толстой, классическая русская литература в лице Толстого и Чехова передавала свои великие традиции и заветы.

К. ЛОМУНОВ

КАК МЫ ИЛЛЮСТРИРОВАЛИ ЧЕХОВА

Подготовительные наброски к рассказу «Тоска».

Беседа с народными художниками РСФСР, действительными членами Академии художеств М. В. Курьяновым, П. Н. Крыловым и Н. А. Соколовым (Курьямины).

— В 1940 году мы впервые приняли за иллюстрацию «подарочного» издания чеховских рассказов, выходящего в Детиздиз. Работа у нас явно не ладилась. Сколько раз мы брались за карандаш, делали наброски и рисунки, но откладывали их в сторону. Рисунки нас не удовлетворяли. «Это не Чехов!» — чувствовал мы.

Собираясь совсем отказаться от попытки иллюстрировать чеховские рассказы, мы предупредили издательство, чтобы на нас не надеялись. Но вот как-то сидя в мастерской с томиком Чехова, один из нас прочел вслух: «... Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть».

Да, чтобы понять Чехова, надо прежде всего думать о человеке, которого писатель так уважал и любил. По отношению к нашей работе это значило упорно преодолевать упрощенную карикатурность, схематизм образов, которые были свойственными нам в то время. Это значило давать не условный портрет героя, а стремиться нарисовать живого человека.

Мудрые чеховские слова вывели нас на правильный дорогу. Критически осмысли-

Окончательный рисунок к рассказу «Тоска».

вая свои предыдущие работы, мы увидели, что реалистический подход к иллюстрации у нас зачастую подменялся гротеском, желанием смешить. А ведь Чехов всегда призывал к сдержанности, к лаконичности, к настоятельным жестам немногочисленных, но бесспорных деталей. Мы с новыми силами взялись за работу.

Вот, например, как мы искали композиционное решение рисунка к рассказу «Тоска».

Извозчик Иона, у которого умер сын, хочет поделиться с людьми своим горем, но не находит телого чеховского ученика. Никому нет дела до Ионы. Он совсем один в огромном городе, в страшной тьме, которую не может разогнать тусклый свет уличного фонаря.

В первых вариантах мы вводили в рисунок и блеск петербургских огней, и одиноких прохожих, и вывески магазинов, но постепенно отказывались от всех этих лишней деталей. Главное — человек, его мысли, переживания. И вот на листе ватмана остается только одна деталь: тусклый газовый фонарь. На фоне его трепетного света застывший от горя и тоски, запертый снегом одинокий извозчик.

На этом варианте мы и остановились, хотя нас соблазнила и другой, сделанный раньше рисунок, который иллюстрировал концовку рассказа: Иона, не найдя сочувствия у людей, ночью в конюшне делится горем с единственным близким ему существом — лошадию. Но этот вариант несколько звучит сильнее в том варианте, на котором мы твердо остановились.

В своей работе над иллюстрациями к произведениям Чехова мы стремились идти по тому же пути, по которому шел сам писатель, — от ранних рассказов, где слышится веселый, порой беззаботный смех, к более зрелым произведениям, в которых смех сменяется горькой иронией, сарказмом.

В иллюстрациях к «Утутеру Пришибеву», «Человеку в футляре», «Хамелеону» и другим обличительным произведениям мы хотели, помимо раскрытия чеховского замысла, показать также отношение советских людей ко всем этим пришибевиным, белковым и огулевым, потомки которых еще бродят, как жалкие пережитки прошлого, по нашей земле. Достигнуть этого было очень трудно. И не случайно мы недавно переделывали заново наши иллюстрации к «Утутеру Пришибеву» и «Человеку в футляре».

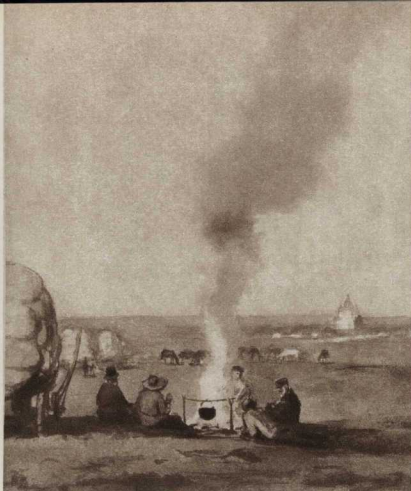
Курьямины рассказали о том, как создавался цикл иллюстраций к «Даме с собачкой», за который в 1947 году они были удостоены Сталинской премии.

Уделив особое внимание углублению психологических характеристик героев, мы старались передать в иллюстрациях также чеховский пейзаж. Он неизменно присутствует почти в каждом рассказе, неотделим от жизни героев и позволяет читателю еще глубже почувствовать их печаль и взаимоотношения.

В этом цикле мы попытались выразить в рисунке неповторимую чеховскую возлюбленность, сочувствие судьбам героев, помочь читателю ошутить всю тонкость их переживаний, передать лирические черты творчества писателя.

В заключение беседы художники подвели итоги работы над произведениями Антона Павловича Чехова, которую они продавали в последнее время:

— В 1953 году мы выполнили двадцать три рисунка для издания, которое выйдет в Издательстве и будет составлено из смерти писателя. Кроме того, мы переделали заново ряд наших старых иллюстраций, которые теперь уже нас не удовлетворяют. В частности, коренным образом переделали рисунки к «Бальсе Жукова», «Хмурого», «Ашадановою Фамилею» и другим рассказам. Нами подготовлены также сорок графических заставок-иллюстраций для юбилейного издания и для альбома избранных иллюстраций к произведениям Чехова, который выйдет в Издизе.

В июльские вечера и ночи уже не кричат перепела и коростели, не поют в лесных балочных соловьях, не пахнут цветами, но степь все еще прекрасна и полна жизни.

«Степь».

Доносился ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс или орган в ресторане, или завывала в камине метель, как вдруг воскресло в памяти все: и то, что было на ходу, и раннее утро с тузаном на горках, и пароход из Феодосии, и поцелуи.

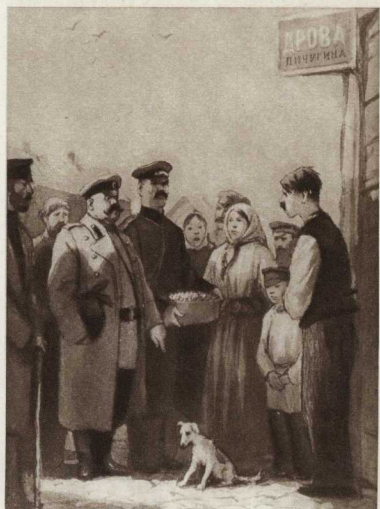
«Дама с собачкой».

— Забыл Тамая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылина? Нет, не Кобылина. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

«Лошадина фамилия».

Иллюстрации художников Кукрыниक्स к произведениям А. П. Чехова.

— Узнай, чья это собака, и составил протокол! А собаку истребить надо. Не медли! Она наверняка бешеная... Чья это собака, спрашиваю? Это, мажор, генерала Ягудолова! — говорит кто-то из толпы.
— Генерала Ягудолова? Гы! Синьки-на, Елдырки, с меня палто... ухаж, как жарко! Должно любить, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укунить?

«Хамелеон».

Москва сегодня. Большая Садовая улица.
Фото А. Мондцова и Г. Ворисова

Немолодая женщина с чемоданом в руке мчится между автобусной и троллейбусной остановками. Но, как назло, ни автобуса, ни троллейбуса. А до отхода поезда всего полчаса. Но вот из-за угла выезжает машина с зеленым фонариком — такси. Женщина поднимает руку. Однако как раз в эту секунду какой-то длинноволосый молодой человек, оттолкнув ее, успевает подскокить к машине:

— Метрополь! Можно без очереди...

Он уверен в себе, этот французский двадцатилетний «папи сын». Он умеет устроиться. В распоряжении у него «свой» офицер, «парикмахерской «свой» мастер. Он щедро дает «на чай» и вообще, не желая отдавать стране свои очень скромные способности, все-таки ухитряется удовлетворять свои весьма обширные потребности.

Но сейчас его, очевидно, не покаяли. Водитель открывает дверцу женщине:

— Садитесь.
— Метрополь,— повторит молодой человек,— буду вам очень благодарен!

Характерное движение пальцев точно определяет вид «благодарности». Но водитель уже залюбовался дверью. Машина летит по широкой улице. Женщина во-время попадает на вокзал...

«С утра до вечера водит по Москве свою серую машину с зеленым фонариком Геннадий Мельников. Сколько разных людей перевезет он за день! Среди его пассажиров и работники министерств, торопящиеся на заседание, и дачники из Подмосковья, поспешающие к поезду, приехавшая в столицу в гости к сыну, и оплывающий от свидания влюбленный студент.

Некоторые из товарищей Геннадия — шоферы восьмого таксомоторного парка — говорят, когда жалуются друг другу, что мол, не повезло сегодня: пассажиров не было.

Геннадию Мельникову «везет» всегда. Перевозить вполне можно стало для него привычкой, а премии за отличную работу — таким же постоянным заработком, как заработная плата.

Ему хорошо известно, в какие часы жители Ново-Песчаной улицы едут на работу, когда кончаются тренировки и спортсмены на стадионе «Динамо», в какое время особенно людно в «Гостромон» № 1.

Каждый день он просматривает газеты. Сегодня в Парке культуры и отдыха имени Горького большая праздник — там наверняка надо бы такси. В Театре сапери идет «Баян». Наверное, — значит, опять театр будет полон. Мельников внимательно следит за сообщениями о конференциях, совещаниях, концертах — и всегда в нужный момент, в нужном месте оказывается его «Победа».

...У разных людей разные пути к своей профессии. Одних привлек к ней случай, других привлекала материальная выгода. Геннадия Мельникова к работе шофера полюбило сердце. Он уже не помнит, как именно почувствовал влечение к машине. Скорее всего во время войны, когда его, колхозного парнишку, возившего на теплого воду к трактору, впервые обогнали летящие к фронту грузовики. Тогда же он пошел

работать слесарем в гараж, поближе к машинам. Работал хорошо, получал благодарности, был назван бригадиром. Но в свободное время молодой бригадир забирался в кабины помоманных машин, с интересом крутил руль, нажимал на педаль, дергал тормоз. За этим занятием однажды застал его механик гаража.

— Ну, что ж, пора тебе и барачку поддержать, — сказал он и подал паренку не только что отномитрованному грузовику. Через некоторое время, самостоятельно подготовившись, Геннадий сдал экзамен на звание шофера третьего класса.

Чем хороша работа водителя? Ответить на этот вопрос трудно: пришлось бы рассказать о красоте московских улиц, о встречах с интересными людьми, о чувстве скорости, охватывающего водителя на загородных шоссе, о стремительности встречного ветра и убегающих горизонтов... можно просто вспомнить стихи болгарской поэтессы Лилиан Стефановой:

Как заплыву я шофером —
За день всю поведу Москву!

...На счетчике восемь рублей. Получаю ровно два рубля — сдачу с десяти, женщина с приятным удивлением пожимает плечами.

К сожалению, удивление женщины не лишено оснований. Еще нередко среди шоферов такси встречаются равны. У каждого из них свои излюбленные приемы, но общее у равней одно: желание побольше «совать».

Один из них постоянно дежурит на приколывающих площадях: это «вокальщики». Тысячи людей сходят с поезда. Но «вокальщики» разборщи. Вот прошел мимо майор с двумя чемоданами — не то; женщина, одетая по-городскому — не то! И вдруг «вокальщик» замечает: посреди тротуара, держа по узлу в каждой руке, стоит приезжий с широко раскрытыми, полными щипками глазами. Сразу видно, он впервые в Москве. Все вокруг поражает

приезжего; и шпиль высотных зданий, и ширина улиц, и облик машин. Кто они? Садовое с Кубань! Украинский тракторист, едущий на Алтай! «Вокальщик» не не интересуется, для него он желанный пассажир! С ним можно делать все, что угодно. Можно брать вдвое, второе — откуда ему знать тариф! Можно чуть ли не как кружить по городу.

Сколько раз говорил на комсомольских собраниях Геннадий о недопустимости этих позорных методов! Сколько боролся с этим!

— Водитель, далеко до Красной площади!

Ясно, приезжий! Мельников открывает дверцу:

— Садитесь, подвезу!

Нет человека, который не знал бы Красной площади по картинкам, фотографиям, киножурналу. Но ведь совсем другое дело самому пройти по ней, своими глазами увидеть, как движутся стрелки знаменитых куряток, своей рукой коснуться ограды Маяков.

Как и все в Москве, Красная площадь тоже меняется. В огромном здании, фасадом выходящем на площадь, вновь открылся переоборудованный ГУМ. Вдоль тротуара шумят недавно посаженные липы. У кремлевской стены, рядом с темными валами, свежо зеленеет сирень. На гранитных трибунах играют малышки... Машина выехала на набережную...

— Покажите самое интересное в Москве, — просит пассажир.

Геннадий задумался. Несколько лет назад этот вопрос не вызвал бы особых затруднений. Что в Москве самое интересное? Улица Горького, центральные площади, конечно, гостиная «Москва» — самое высокое здание столицы. А куда еще идти? На Смоленскую площадь, на Ленинские горы, на площадь Возстания! Какие из московских улиц показать приезжему — Садовое, Ленинградское шоссе, Ново-Песчаную? Машина летит по Москве. У пас-

сажира мало времени, но он не смотрит на часы: нельзя отвратить взгляда от оконного стекла. Перед глазами высокое здание на Котельнической набережной. Широко распахнуто крыльцо, белокаменный гигант рвется в высоту. Высоко над крышами домов вьются его шпиль со звездой. Две тонкие Уралы как будто стали дружить: ведь и в ней отражается высотный красавец.

А вот улица Горького — светлая долина, широкие тротуары, густые липы.

Машина скользит мимо знаменитого дома № 6. Максимально старое здание в свое время было передвинуто на пятьдесят метров; оно отпало, вернее, отъехало на второй план улицы.

— Это еще ничего. Вот Глазную больницу фасадом вперелую повернули! — рассказывает водитель заинтересовавшегося пассажира.

Напротив «Москва» возвышается памятник Юрию Долгорукому.

Машина мчится дальше. Улицы, площади, бульвары и... стройки, стройки, стройки.

Вот Ленинградское шоссе, свои особенности. Москву невозможно представить себе без багнетных крапов: они стали такой же неотъемлемой частью городского пейзажа, как Большой театр или памятник Пушкину. Столица строится.

На окраинах вырастают целые города — Песчаная, Текстильщицын, Кожеухов.

Вот Ленинградское шоссе. Напротив Московского авиационного института совсем недавно был пустырь. Летом он покрывался чахлой травкой, зимой — сугробами снега. А сейчас здесь выдвинулся новый дом, едва ли не самый большой и красивый в районе.

...Поездка окончена, пассажиру пора на поезд. Он крепко жмет руку шоферу. За два часа полностью ознакомились с Москвой, нельзя, но поблизить можно еще сильнее.

Л. ЖУХОВИЦКИЙ

МАШИНА С ЗЕЛЕНЫМ ФОНАРИКОМ

РАДИСТКА

Рассказ

Рисунок Т. Осиповой

Леонард Пасенок родился в 1926 году на Ялтинском острове в семье учителя. Успеш окончив только семь классов, дальше учиться не пришлось, началась война. Уходя от фашистов, он прошел всю Украину и часть России. На одной из дорог его подобрала военная часть. Вместе с полком он оказался в Сталинграде.

Самое трудное для него было стрелком, минером, ручным пулеметчиком. Служил в армии до весны 1950 года. Демобилизовавшись, работал таксиром на Сталинградском тракторном заводе, плавал матросом на черноморских рыболовецких судах, работал на стройке в городе Вану, затем переехал в Краснодар на строительство, где сейчас работает бетонщиком.

С 1945 года Пасенок пробует писать: много видел, много пережил, впечатления просели на бумагу. Но печататься начал только с 1951 года. Первый его рассказ — «Осушар» — опубликован в журнале «Молодая гвардия». Второй — «Вот мое направление» — был опубликован в сталинградской газете «Молодой ленинец»; второй рассказ — «Шинель» — напечатан в 1953 году в армейской газете «Боевое знамя»; третий — «В шторм» — опубликованный недавно в «Комсомольской правде» — примирован в числе лучших рассказов, поступивших на конкурс, объявленный этой газетой.

Важным событием в жизни Пасенкова были два письма от Петра Андреевича Пасенкова. Писать не позволял времени на стройке, обстоятельный работор его рассказов и ободрил молодого автора, высказав предложения: «Вы будете писать и, скорее всего, читать».

Рассказы Л. Пасенкова подкупают знанием жизни, любовью и жаром, умением передать романтику сурового труда и труда радиста. Один из его рассказов печатается в нашем журнале.

1

К трапу подошла невеселая девушка с чемоданчиком и перекинула через руку светлым шерстяным пальто.

— Мое капитан, — сказала она вихренному матросу, стоящему у борта сейнера, и, заметив, что тот не горит, просительно добавила: — Пожалуйста!

А вы ему еродит! Или просто так? — побоебистовала вихреный, смеясь девушку взглядом. — Должен же я доложит!

— Должесте: прибыла по направлению радистка.

Вихреный ушел. Девушка внимательно стала рассматривать корпус сейнера. Семотро не принес ей удовольствия, и она капризно вытянула нижнюю губу. Краска на бортах потрескалась и кое-где свернулась сухими стружками. Белая палубная надстройка потускела, местами покрылась бурными пятнами от ржавеющих железных частей. Даже название сейнера — «Устрица» — было написано неодинаковым по величине буквами, вкряк и вкось. Из каюты вышел высокий мужчина и облокотился на поручни.

— Вы ко мне? — спросил он у девушки. — Я Брежнев, капитан сейнера. Девушка торжественно взбежала на палубу и протянула ему бумажку:

— Вот мое направление.

Читая направление, Брежнев краем глаза поглядывала на девушку. Одетая она была просто, но все-таки чересчур посухотунному розовой свитер из верблюжьей шерсти, коричневая юбка с карманами, украшенными большими перламутровыми пуговицами. С худых рысех волос сплела на шею газовая цветастая косынка. Лицо задронное — широкоокое, курносое, с зелеными насмешливыми глазами.

«Вот прислала радистку-девочку», — подумал Брежнев с досадой. — Ничего с ней. И что их на море живет, что им дома не сидится!»

Всуч он сказал, складывая четвертую бумажку:

— Т-так... Ну, милости просим.

— Скажите, — спросила Галия, — а скоро сейнер поедет в Одессу?

— В Одессу сейнер не поедет, товарищ... Кафарова, — холодно ответил Брежнев.

Садовалю было, конечно, добавить, что «Устрица» не пассажирский дизель, на котором можно плавать в свое удовольствие по маршруту Сочи — Ялта — Одесса, а всего-навсего рыболовецкий сейнер. Но Брежнев промолчал, высказав все это про себя и подумав, что радистка вскоре сама убедится в неудачном выборе профессии.

Девушка замедлила шаги и подошла к валу:

А мне в конторе сказали, что судя скоро поедут в Одессу на лов скумбрии. Говорили, что это очень интересный лов...

— Начнет интереса не скажу, не знаю... Трудный лов — это точно, могу гарантировать. А вы, кстати, на Арабскую стрелку

не жалеете? Бычков ловить? Мы только сегодня пришли оттуда.

Галия недоуможенно посмотрела на капитана: шутит он или говорит серьезно? Брежнев улыбнулся.

— Нам, а так думаю, бычков ловить придется. На скумбрию поедут лучшие суда с опытными бригадами. А мы пока... не лучше и не опытные.

Что ж, бычков так бычков, — вздохнула Галия.

Осторожно ступая велед за Брежневым по ступенькам трапа, Галия спускалась в кубрик. Навстречу лампа густые запахи табачного дыма, нагретого машинного масла и протухшей рыбы.

— Зарастаете, товарищ, — сказала Галия, войдя в кубрик.

— Зарастывает, ответил ей нестройный хор мужских голосов. В полутьме девушка увидела смуглые лица, на которых были написаны и удальство, и интерес, и насмешка: «Девка на сейнере? Этого только не придумаешь».

Стараясь не замечать любопытных взглядов, устремленных на нее, Галия осмотрелась. Кубрик был невелик. Для сухопутного человека, привыкшего к свободе движений, здесь, пожалуй, было тесновато. Крошечные столы, узкие двухъярусные койки, маленькие шкафчики, в дверях которых были вделаны побуревшие зеркала, — вот и вся не особенно богатая «меблировка». Но не из-за тесноты и скудной обстановки не понравился Галии кубрик. Уж очень неприятно он выглядел, а воздух здесь был такой, что от непривычки закружилась голова.

— Это наша радистка товарищ Кафаров, — представила ее Брежнев матросам. — Вы уж ведите себя поддекайней и курите меньше. — Он повернулся к девушке: — Ваша койка на втором ярусе. Заванесите простынку — и поучитесь все равно что отдельной кавты. Устраивайтесь, а потом будем говорить о деле.

Когда Брежнев ушел, Галия устало прислонилась к койке. Чтобы как-то завязать разговор, она спросила:

— Здесь всегда такой запах?

— Ничья, друг, рыбиный душ! — крипало засмеялся один из матросов и добавил: — Ничья весь, все есть!

— Перестань, Деркач! — одернула шутника матрос Злаушный. — Человек пришел новый, а ты к нему с глумными шутками...

Галия различила в сумраке кубрика лицо говорившего: худое, с резкими морщинами у глаз и рта. Она благодарно взглянула на говорившего, а тот продолжал, обращаясь к ней:

— Вы не особенно расстраивайтесь. У нас просто руки не долгие, чтобы завтравить этот запах. Тут были дела поважнее...

Галия подтолкнула на верхнюю койку чемоданчик, бросила туда пальто и молча привычно укладывала в шкафчик свои вещи.

2

Утром Галия подошла к Брежневу: — Товарищ капитан, я проверила радио. Лампы надо заменить.

Она смотрела на Брежнева исподлобья: бежки больших глаз отбивали синюю пел

реносица была усыпана мелкими веснушками.

— Амми, говорите? — Брежнев куда-то горюхася, слуша радистку рессанюю. — А нельзя ли обжидат с лампами? В Одесу идем, запасы разные почитать нужно. Работы по горю.

— Все-таки идем в Одесу? — Галия радостно веснушка голову.

— Да в Одесу! Наша зьяла! Вот только сходим еще кое за чем в Новороссийск.

— Но вы все же не забудьте о лампах! Это очень важно, товарищ капитан. Знаете, вежко может случиться...

— Добро, добро!
Брежнев обжедал по трапу на берег. Галия некоторое время смотрела ему вслед. В кубрик идти не хотелась: там было душно. На сейнере, кроме нее и вахтенного Володи Вернова, никого не осталось — все разошлось по делам. Вахтенный, свесив ноги за борт, ловил удачливой бычков. Занимался он этим ради спортивного интереса, от скуки.

Володя принципиально не замечал радистки. Он был уверен, что от девочки не будет никакого толка на сейнере.

Команда вынуживала на берегу растянутый на полметра жгутик калпированной сети. Она трупя матросов подтягивала на плечах бегом шероховатую, даже в этот жаркий день сохраняющую влажную холодновоатость сеть и опускала в чан; другая — вынимала сеть из киплящего раствора и тащила на руках по спрышечу, как крахмал, песку.

Издали, с сейнера, эта сеть казалась двухцветной нескончаемо извивающейся змеей. Галия на занятых делом матросов, Галия забеспокоилась.

«Надо же и мне чем-нибудь заняться, пока рация не действует! Не сидеть же сложа руки!»

Она окинула критическим взглядом сейнер, разсыкала ведро, тряпку и спустилась в кубрик.

Там и застал ее Брежнев, возвратившийся с берега. Девушка сидела на полу, поджав под себя ноги, и размазистый водила по некогда белой стене мокрой тряпкой. Волосы ее растренивались, руки по локоть были испачканы.

Брежнев несколько минут наблюдал за тщетными усилиями девушки: грязная, потужеющая от дыма и пыли краска никак не приобретала своей первоначальной блесны.

«Что это вы затеяли?» — спросил капитан.

— Вот, затеяла... Понимаете, тру, тру эту стенку, а она все такая же.

— Трете, значит? — переспросила Брежнев, не находя иных слов, и покраснел. «Сколько народу на сейнере, а до сих пор не додумалась, в кубрике порядок навести! Да что в кубрике! Вес сейнер аунится, точно киятком ошпаренный! Где его, капитан, газы были!»

Брежнев торопливо вышел и вскоре вернулся, несет наполненное чем-то ведро.

— Это раствор каустика. Как знаком, всю грязь смывает. Только осторожно, а то пальцы разъест!

Галия обмакнула тряпку в раствор и крепко протрала ею по стене.

— Спасибо, — сказала она. — Теперь-то у

меня дело пойдет! А скажите, пожалуйста, может, вы знаете средство и против этой... вони? Мне кажется, должно быть такое средство.

Брежнев потянул носом, опять покраснел и угрюмо сказал:

— Знаю средство. Сделаем...

В обид Брежнев пошел к комсоргу Граву, и сердито сказал:

— Спит комсомо!

— Почему спит? — Грав везлаула плачами, обгнанными прооцифренной курткой. — Комсомол работает, аж чубы мокрые! Пятисот соток метров сети вывирили и раскинули. Это как, аська, думашка?

— А кто о сейнере позаботится? — спросил, в свою очередь, капитан. — Ведь он уже мохом оброс... Вот радистка только второй день у нас, а успеха все кубрик вверх дном перевернул, капитальную приборочку устроил! Одна! А нам, видите ли, все некогда!

— Так надо-еи помочь! — горячо воскликнула Грав. — Разве мы против! Да ты сам знаешь, то бычки, то вот подготовка к одесской экспедиции...

— Бычки, бычки! — ворчала повторила Брежнев и направился к кубрику.

— Боцман! — крикнул он, толкнув дверь.

— Я слушаю!

— Побода!

— Вяз... Саю завязуется...

— Ты и так худобой не страдаешь. Сним-ка лучше помпу со спардека да распредис насчет откачки воды из-под палубы. Там хамса набилась, какую еще при царе Горюхе ловили. От нее и идет душок.

Покряхтев, боцман встал с койки.

— От бисова дичина! — пробормотал он несобливо. — Таки застаиваа ветать. Мабуль, иддем, Володя, до помпы?

Они долго возились, пока удалось приспособить помпу. Вскоре за борт хлестнула из шланга бурая вонючая жидкость.

Боцман и сам решил проинить инициацию, поскольку он все-таки был боцманом. Дав Володе и помощу матроса Бабенко, он обоше сейнер и козьяским оком приметил немалеы изьяны и упущения.

— Бабенко и ты, Володя... — Боцман заглянул в кубрик и поморщился. — Тыфу! Бачь, якую гадость далахал! Чисто отравил. Вылизываете — и зараз меднику драц. И шоб рывля над куброю, як ото сонца, бындаа!

«Часам к пяти вечера «Устрица», если не считать облезлых бортов, заметно преобразилась. Володя даже раздобыл краску и кисти, привнес алауку на якорь, покружку пришлось отложить до возвращения из Новороссийска.

Кубрик биястал чистотой. Матросы осто-

рожи стулаи, чтобы не оставить следов на линолеуме.

В кубрик медленно спустился по трапу усталая Кафарова. Она только что закончила уборку в рубке. Удовлетворено оглядев кубрик, Галия вдруг воскликнула:

— Ребят, пока солнце не зашло, давайте сходим в горы за тюльпанами! Я знаю тут чудесные места! А то ведь уйдем в море...

Матросы молчали.

— А как хорошо было бы, — горячо продолжала Галия, — и в кубрик цветы, и в рубку цветы, и в каюте капитана, и в машинном отделении...

— Что ж, это можно, — неуверенно сказал Зауэжный и с сожалением посмотрел на шахматную доску.

— Девушка дело предлагает, — поддержала Галию комсорг Грав. — Воду из-под пайловоы мы откачали, стены протерли, медники сперекат, только цветов не хватает. Этские букетишки соберем, другим сейнерам на зависть! Но только давайте условимся, — он повернулся к радистке, — чтобы при первой возможности цветы менять. Это вам комсомольское поручение.

— Согласна! — Зеленоватые глаза Галии радостно вспыхнули. — За цветы ругаться головою. Так кто же, товарищи, идет за тюльпанами?

Грав, Зауэжный, Володя Вернов, как по команде, поднимаясь со своих мест.

Галия сидела в рубке бледная, с закрытыми глазами. Ее укачало. Деркач, стоявший у штурвала, некоторое время изучающе поглядывал на девушку, а потом предложил:

— Ежели морской ла внутрь употребит, здорово против тошноты поможет. Галия ничего не ответила. В смотровые стекла глядела черная, беззвездная ночь.

— Володочка с лимоном — тоже полезная вещь, — не унимался Деркач, — особенно если вердрова.

В рубку, весело переговариваясь, вошел Михаил Грав и моторист Ярошенко.

— Что с ней? — спросил Грав.

— Деркач пожал плечами: дескать, все ясно без слов.

— Видно, девка не радист на море, — сказала Ярошенко с досадой. — Прислали только ради полного комплекта. А то, что мне оице научниками придется за кого-то шить мозоляти, — это никого не касается.

— Почему опять? Ты же Кафарова не замечала?

— Ну, другую замечала, такую же, когда на другом сейнере плавала.

— Глеточки собирать — это она умеет, — поддед Деркач.

Кафарова открыла глаза.

И да, правда, беспокоится, товарищ Ирошенко. К рацции вас никто не допустит.

Ирошенко промолчал, а комсорг подошел к девушке и посоветовал:

— Вы займитесь какой-нибудь тяжелой работой. Ну вот хотя бы помогите мне завезти бухту троса на площадку. Закрепить его там нужно, а то вывалится под ногами. Сразу легче станет.

Превозмогая слабость, Галия поднялась и решительно произнесла:

— Идем!

Придерживаясь за поручни и фальшборт, Гравес и Галия прошли к трюму. Трос, лежавший возле него, был покрыт слоем масла. Галия хрипло скаталась за толстые вилки, помогая Ирошенко поставить бухту на ребро. Едва им удалось это сделать, как бухта снова вывалилась в сторону крена.

— Ну! Что-то... Ни-куда и не уйдешь! — заговорил Михаил, упираясь руками в бухту.

Наконец бухту везли на площадку. Галия глубоко вздохнула:

- Уху! Бухту ты везла!
- Ну, как, чини?
- Прошло, Спасибо. — Она трюмо дышала, то и дело вытирая лоб рукавом меховой курточки.

Гравесу приятно было слушать низкий, грудной голос Галии. Ему нравилось ее широкоокая, немного грубоватое лицо. Она доверчиво села рядом с ним на крышку трюмового отверстия.

— Вы читали повесть «Танкер «Дербент»»?

— Конечно, много читало о море. Потому и морюлок стала.

— Там, в повести, — продолжала Галия, — есть радист, Костя, кажется. Он тоже... в общем страдал морской болезнью, а был хорошим радистом. Галия потупилась. — Вы не подумайте, я вас не подведу.

— А я и так знаю, что не подведу. Характер у вас решительный. Вот захотели — и в кубрике тельняшки появились.

— А при чем тут характер?

— Попадают больше, узнаете. Вы, наверно, впервые в море?

— Да я совсем недавно окончила школу радистов и вот попал на «Устрицу». Даже телеграмму бросила, как только услышала об этой школе. Еще бы, представляла возможность попасть на море! Я жила у тети, родные мои погибли. Как-то неудобно в таком возрасте чужой злобостью. Вот пошлаваю, денег немного заработаю, а там... она вздохнула, — придется доучиваться. Хорошо бы стать капитаном дальнего плавания!.. Галия Кафарова — капитан дальнего плавания, здорово звучит! Хорошая у вас мечта, — одобрил Гравес.

В Новороссийске грузили на сейнер хамсаросе для сетей, наплавленные шары толстого зеленого стекла, непопавшие для поплавков и прочей рыбоуловной инвентаря.

Когда трюм завалили доверху, трюм хамсароса стали складывать на палубу.

Галия, в тельняшке и закатанных до колен брюках, вместе со всеми бегапа по скользям, перетаскивая их.

— А, это вы? — удивился Я дивилы предурядства, что алмаши надо заменить. Еще в Керчи, помните?

— Это Брежнев помнит. Но рацция была делом новым на сейнере, к ней еще не привыкли как к чему-то необходимому, и в суматохе будничных дел капитан заблудилась. Он улыбнулся, как всегда, когда ему прямо указывали на какую-нибудь оплошность. Рацция сейчас была очень нужна: следовало срочно задобрить базу, как быть с выходом в море. Напрягались нордос — баллоны до одной тысячи кубов вытаскивать, как говорят моряки. Отход сейне-

ра оформили в портидзоре еще утром, но выходить в такую погоду... С другой стороны, база понарез нуждалась в хамсаросе для сетей.

— А вы не сможете сами достать где-нибудь алмаши? — спросила Брежнев. — Ну, скажем, купить. Я дам деньги.

— Попробую, ношу, — с обычной готовностью сказала радистка.

Брежнев пытался всматриваться в лицо Галии. «Дальняя дивчина, однако. А я еще и недовавил бы, что девчонку на сейнер прислали!»

— Ну, добро. — Он протянул ей руку и потом долго смотрел, как она взбиралась по крутому склону к шоссю, ведущему в город.

— Велася мгла нахлынула внезапно. Вднуу ветер и первый порыв его задул в горах, как отдавленный гром.

— Вора, — окорухнено сказала Брежнев. — Теперь только держись. Как боимся, гроты принагтадем прочно? Не смее?

— Сам прыгалад, — обижено ответила боиман.

— На судне все в сборе? — Только яшей дивчины, що радисткой, немее.

Об этом боиман мог бы и не напоминать. Что ж, придется ей поблужать на берегу: в такую погоду на сейнер вряд ли доберешься!..

Брежнев тревожно оглянулся, посмотрев на берег. Там не было ни души.

К «Устрице» за день пришвартовались несколько сейнеров, но она и сама стояла на швартовках непрочно. Швартовы тугоско скрипали, большие кресты мичу расклевывались, чертили небо. Из гораго ветер рывками гнал тучи пыли. Бешеная волна

иростно бросилась на рываке нефтешестерны, гулко отбегая ит, перелетая через линию волнореса. Быстро темнело. Коемые молнии прорезали клубящиеся пельняные тучи, но грома в общем реве слышно не было.

На «Устрице» с треском лопнули швартовы, и ее вместе с добрым десятком других сейнеров развернуло поперек бухты. Вперед, катастрофически быстро приближаясь, вырвется громадь турецкого транспорта. Транспорт и сам терпя беду: бегствие: его ташило на берег. Не помогали ни два вытравленных до жвакоатса якоря, ни отработавшая задний ход машина. Около причала уже сутелись буксиры, снешившиеся в немую турежну транспорт.

Не в силах оторвать взгляда от транспорта, Брежнев крикнул сразу охрипшим голосом:

— Боиман, руби копцы!

Швартовы, на носу соединившиеся «Устрицы» с ближним сейнером, разошлись. Нос «Устрицы» рванулся в сторону.

Заметив, что боиман замешкался у кормового хвоста, капитан бросился к нему, крича:

— Убжи, чего смотриш!

— Та там же наша радистка!..

На боевом сейнере, уже перевернувшись через бортовую ограждение, стояла Галия Кафарова, выбирая удобный момент для прыжка. Вот волна подобралась «Устрицу», стукнула кормой о борт соседа, и в этот момент радистка прыгнула, но «Устрицу» снова качнуло, и Галия, уцепившись за ограждение своего сейнера, повисла над водой.

— Вот дура! В мучу замелет! — закричал капитан, бросаясь на помощь радистке.

Наместе с боиманом он вытащил девушку на палубу.

— Вы что же это выдумали? — только и мог выговорить Брежнев.

Занялся он пережитого волнения, Галия сказала:

— А я и на том сейнере, не успела перебраться. В городе магазин закрыт на учет, я достала алмаши у знакомого радиста на «Меркурия». — И она стала вынимать из карманов радиометры.

Через с ними, с алмашиами — крикнул Брежнев, беднее при одном воспоминании о том, как Галия вышла, уцепившись за ограждение «Устрицы». — А вот вы тут не обстались без головы!

— Вы ведь не дали алмаши — я их достала, о чем разговор! Вот они, алмаши.

Придерживаясь за поручни, не обращая внимания на качку, Галия пошла к рубке. Настроив рацию на прием, она долго слушала море.

Заблужая комсорг, спросил:

— Ну как, Галия, не укачивает?

— Не мешай! — отмахивалась радистка. Она с тревожным волнением слушала море. Щелки ее вдруг покрылись ажурочным шумением. Беззвучно повисла губами, она быстро писала на бланке текст принимаемой радиометры. Комсорг, оглядываясь через плечо, читал вслепую за карандашом:

«SOS... Термин бедствие в районе Большого Утриша. SOS...»

Комсорг высочился из рубки на палубу, когда сейнер, надвигаясь скрежеща машиной, пытался от выскоченного борта турецкого транспорта.

На носу, обволаемый потоками воды, стоял Брежнев в крепко надвинутом на лоб берете, в проаофинном плаще и тяжелых сапогах. Все на нем было массивным, как бы отлитым из чугуна. Грубое лицо казалось непроницаемым, в углу рта торчал мокрый погнутый охоток.

— Еще пара минут! Так держаться!

Он вглянул комсорга бланк радиометры, пробежал его, и округ сразу переключал из одного угла рта в другой.

— Можете, в Каботажку? — спросил боиман.

В Каботажной гавани в такой storm судно было, как сельдь в бочке. Они жались под занциту причалов, но и здесь трескали друг против друга, крутясь, свист причалов звенели и вибрировали от многократных ударов беженного прибора. Нет, даже если бы не было этой радиометры с «Пассата», Брежнев не согласился бы идти в Каботажку. В море!

Он рванулся вверх рубки:

— На руле! Держать в створе маячного огня и берега, идем на Утриш!

А в рубке монотонно, до слез вольнозвучно звучал голос Галии, послышавшей в эфире слова надежды и обещания:

— «Пассат», «Пассат», «Устрица!». Иду на помощь!»

Брежнев закрыла глаз. Он хорошо знал хлопоты с этого сейнера. «Устрица» и «Пассат» были судами одной базы.

— А Кафарова продолжала:

—...Как слышите? Зигула, родная, приятно: «Пробина в корпусе, подводим дрейфить, не подведе!»

Следовало сделать замечание радистке, но придержививаясь в переговорах официального тона, но Брежнев прикрикнул на рулевого, с трудом поворачивавшего штурвал.

— Осторожно! Вылезла на курсе! — и, зябко передернув плечами, вывел из рубки навстречу штормовому ветру.

— Случил ли ты в армии?
— Да!
— Значит, был бит?.. Болея чего-то?.. Болея свиной?.. Ходил по шашу?

Конечно!
Другое ответа у турецкого солдата не бывает.

Я болей свиной и честотой еще в детстве. Поэтому новостью для меня были только насекомые. Все восемь месяцев, пока мы стояли в лагере, они не давали нам покоя. Это было хуже голода, побоев, тоски по дому.

Нам выдавали по полкуса мыла в неделю. Если бы это было не мыло, а сыр, по такому крохотному кусочку не хватало бы и на три бутерброда. Собственно говоря, нам было положено полтора куска мыла в неделю, но интендантский экономиком: нужно было покрывать недостаток, который получался в результате расхищения мыла крысами (дауногами, конечно). Что до вошейбы, то она была одна на весь полк и притом жалкая, как паровоз XIX века. Пока омерзели до нашей роти, вошейбыка всегда успевала сломаться или дрова, отпущенные полку, приходили к концу. Словом, чтобы избавиться от насекомых, нам оставалось только одно: раздеться, покататься на гору в чем мать родила и сжечь лагерь.

Все мы совершенно извелись. Только Мустафа из Чичекада и вида не подавал. Когда каково-либо имело, которое надо было сдаться и темноте, выпололо погреться на солнышке, он невозмутимо снимал его с шеи и бросал на землю.

— Что это, Мустафа? — спрашивала.

— Да так, блок...
— Предположи, — не давали мы полку Мустафе? — Ну, а почему она не прыгает?

Тут Мустафа выдержал паузу: — Моет она больше! Почему ты знаешь? И не удивительно: с тех пор как нам перестали давать ощи, моя кровь превратилась не годится для того, чтобы кормиться этой сквоей.

И Мустафа смеялся. До сих пор у меня перед глазами стоят его зубы, мелкие, выщербленные. Они у него ломались от спешки и жадности, которые сопутствовали приему солдатской пищи. Когда приносили отделенный блок, Мустафа забывал собственное имя. Да и как не забыть! Если лечь час не съхватишь кусок хлеба и не начнешь орудовать ложкой, останешься голодным. Никто не мог оспаривать у Мустафы переенства в этом виде спорта, но он все равно так спешил, что даже не замечал камней в пшеничной каше и чечевичной похлебке.

— Что и говорить, засуха в этом году была страшная. Прошло все лето, а овощей мы и в глаза не видали. Все «усохло» по дороге к солдатскому котлу. Десны наши побелели, и наконец настал день, когда все рота заболела цингой. «Ищите траву портулак!» — такой был устный рецепт, извабивший полкового врача от возни с больными. И мы, завизгу за спину навалочки, расслышались по полям и огородам искать портулак.

.....
Стоял дождливый день. На ученье нас не вывели. Я лежал в палатке и думал. Сержант и три наших солдата ушли в другую роту играть в карты. Несколько

Рисунки Л. Вродаты.

Фахри ЭРДИНЧ

РАДОСТИ ТУРЕЦКОГО СОЛДАТА

Рассказ

человек капитан отправил в город с казенными дровами и продуктами для своей семьи, остальные были в наряде. Словом, в палатке, где нас обычно было набито, как ложек в футляре, кроме меня и Мустафы, сегодня не было никого. Я вынул пачку сигарет, и мы закурили. Мустафа был занят тем, что разламывал натрое спички и, затачивая их, готовил гвозди для слюк салот. Работал старательно, высунув язык от усердия, фуражка сбилась на ухо.

Я думал: «Уже двадцать пятые января, но мы все еще ходим в легкой форме, салоти прийдут в таком состоянии, что голенища служат просто для маскিরовки — скрывают наши голые пятки, ступающие по грязи».

Мустафа, будто угадав мои мысли, сказал:

— Говорят, не сегодня — завтра привезут зимнее обмундирование. На этот раз уже точно. Сам десичик командира полка говорил.

— К чему так рано зимняя форма, Мустафа? Можно обойтись еще и этой! Вот тебе и экономия...

— Какая, к черту, экономия! Посмотри на мои портянки. Как сетка...

Он расхохотался. Я тоже. Но, смеясь, чувствовал, что вот-вот расслучусь. Тоска. Я спросил Мустафу, нет ли у него чего-либо по-

читать. Он засунул руку под подушку, вытащил книгу и вдруг замер и так раскрыл глаза, словно до этого они были склеены столярным клеем. Я заметил, что по шестой обложке винги полало огромное насекомое. Мустафа щелчком сбил его на землю: — Ишь ты, подлога! Показаться захотела!

Я взглянул на книгу. Вошь действительно избрала самое подходящее для себя место. На обложке был изображен Баттал-гази¹, полнявший на дыбы чиксторивного арабского скакуна. С кривой сабли капала кровь. На земле валялось раздробленное надвое человеческое тело.

.....
Наконец наш капитан решил повести организованную борьбу за чистоту.

Слова шел дождь. Капитан выломал толстую кияловую палку и обратился к нам с речью:

— Пора нам, скоты, заняться за ум! Пора — божеское дело. Иначе толку не будет. Это — единственное средство избавиться вас от вшей. Рота, становись!

¹ Баттал-гази — легендарный герой, завоеватель. Турецкие феланшты-националисты используют легенду о Баттал-гази для мелконационалистической пропаганды (переводчик).

Мы выстроились. И капитан привился нас бить, соразмеря силу удара с прочностью палки. Он бил нас по чем попало и приговаривал: — Мне вас давали не по счету... Я не буду каптаном, если не сделаю черт знает что с вашими матерями, бабами, верой и аллахом! Пора производилась авансом.

Приказ последовал подале: — Каждое утро каждый солдат должен сдать фельдфебелю по десять вшей.

— Служаемся!

— Разойдись!

— Будьте здоровы! — кричали мы в ответ.

Наша голося даскала слух капитана, как бой барабана за горами. Только Мустафа портил всю музыку. Всякий раз он кричал:

— Сасли! — скоре!

Да, мы очень любили нашего капитана.

— Даже могильные крысы не станут жрать его труп, — говорил Мустафа, — а если по ошибке откусит кусок

— Вот и сейчас — не успели мы войти в палатку, как Мустафа стал браниться:

— Хотя бы скорей volna, будь она проклята! Я бы первым же выстрелом набил эту поддечу брюхо дымом.

— Прядержи язык, — сказал сержант Юефю, — отрежу!

Мустафа повесил в затлке, потом сложил комбинацию из трех пальцев и свнул кулак под нос сержанту:

— Выдал!

Начинаю с следующего утра мы стали ходить по всем насекомым и стиничные коробки и давали их фельдфебелю. Потом их складывали в консервную банку и сжигали перед строем.

Первым обанкротился Муса из Ули. На третье утро сколько он ни искал, смог сдать всего шесть жалких вток.

— Ах, ты отказываешься выполнять приказ?! — заорал на него капитан и привился обрабатывать Мусу палкой.

— Эй богу, нет больше, мой капитан! — взмолился Муса.

— Достань, полде!

— Пусть я бесчестным буду, больше нет!

Врещ! Раздаться, ступай

Услышав это, многие солдаты из других отделений бросились по палаткам. Следом за ними отпрыгали и Мустафа с фельдфебелем. Некоторое время все они вернулись. Подлезна стало известно, что Мустафа вырвал веш.

На следующее утро вся рота стала звывать к Мустафе о помощи. Но на этот раз он уже заупрямился:

— Дулки! Я из деревни не получаю ни гроша. Двенадцать с половинной куршей за штуку. Кто хочет, подожди!

Да что там двенадцать с половинной куршей! Если бы Мустафа заломил даже руку, и то нашлись бы желанные. Так Мустафа помог роте продержаться еще два дня. Сам он заработал на сигареты на несколько месяцев вперед.

На третий день лейтенант и фельдфебель заступились за роту перед капитаном: раз даже у Мустафы из Чичекада не осталось ни одного паразита — значит, вполне можно считать успешно разрешенным.

.....

Сокращенный перевод с турецкого Р. ФИШ

Еще прыжок, и бег на сто метров закончен.

Фото Н. Волкова.

ДЕСЯТИБОРЬЕ

На читательской конференции во Дворце культуры Автозавода имени И. В. Сталина шестертов, Заболотский выразил желание увидеть на страницах журнала «Смена» подробный рассказ о легкоатлетическом десятиборье. Выполнив просьбу читателя, редакция публикует беседу с неоднократным чемпионом страны по этому виду спорта заслуженным мастером спорта Владимиром Волковым.

Бывает так, что человек избирает для себя какой-нибудь один вид спорта и ничто уже не может поколебать его уверенности в том, что именно этот вид — самый лучший, самый благородный, самый красивый. Но бывает и так, что человеку хочется и бегать, и метать копье, и толкать ядро. Он ищет применения всем своим силам, всей энергии. Такой спортсмен становится многоборцем.

Толкание ядра — третий этап десятиборья.

Соревнование десятиборцев открывается бегом на 100 метров. Вот прозвучала команда: «На старт!» — раздался выстрел — и бегуны рванулись вперед. Стремительно приближается узкая лента финиша. Заключительный бросок — и первый этап десятиборья позади.

Результат выступления спортсмена в каждом виде спорта, вхо-

дящем в десятиборье, оценивается определенной суммой очков, указанной в специальной таблице. Чем лучше результат, тем больше очков дается легкоатлету. Например, судьи объявляют, что победитель забега на сто метров показал 11,1 секунды. В таблице против этого результата стоит: «871 очко». Но если бы спортсмену удалось пробежать эту дистанцию всего лишь на одну десятую секунд быстрее, у него было бы на 37 очков больше. Вот что значит в многоборье десятая доля секунды!

Следующий этап соревнования — прыжки в длину. После полувоскового перерыва бегуны превращаются в прыгуны. Свободно начинает он разбег, с силой отталкивается от планки, несколько мгновений летит, раскинув руки, и приземляется... «6 метров 70 сантиметров», — объявляют судьи. И победителю к прежним очкам добавляется еще 695 очков.

Другой спортсмен прыгнул на 5 сантиметров ближе, судьи дали ему на 14 очков меньше. Отгнать потерянные очки спортсмен может на третьем этапе десятиборья. Ему надо для этого толкнуть ядро дальше соперника на 20 сантиметров. А это не так-то просто.

Борьба становится все напряженнее, все острее. Четвертый этап соревнования — прыжки в высоту — требует от спортсмена тщательного расчета начальной высоты. Начинать с небольшой высоты невыгодно: быстро устать, начинать прыжки с большой начальной высоты опасно: можно потерять неудачу, совсем не ввязать высоту.

После прыжков в высоту наступает самое тяжелое состязание первого дня — бег на 400 метров. Немалко пробежать эту дистанцию после стометровки, прыжков и толкания ядра. Чтобы победить, нужно собрать всю свою скорость спринтера и выносливость бегуна на средние дистанции.

Но вот первый день соревнования окончен. Подсчитаны очки. Выявлены вероятные претенденты на первое место. Некоторые фавориты оказались позади, другие, оставшиеся сначала, выдвинулись вперед. Кто окажется победителем? На этот вопрос можно ответить только после второго дня соревнования.

Второй день спортивной борьбы открывается бегом на 110 метров с барьерами. Это — трудное испытание для спортсмена, тем более что он еще чувствует вчерашнюю усталость. Но вот дан старт, и снова начинает действовать ариф-

Последнее состязание первого дня — бег на 400 метров.

Чем дальше прыгнет спортсмен, тем больше очков он получит.

В легкоатлете, который желает заниматься многоборьем, должны сочетаться быстрота и выносливость бегуна, легкость прыгуна, ловкость барьериста, сила метателя. Он должен также обладать выдержкой, уметь распределить свои силы, ибо ему предстоит бороться за победу в десяти видах спорта, и эта борьба продолжается два дня.

Такому высоте возьмет только хорошо тренированный спортсмен.

метика. Спортсмен преодолел барьер за 15,8 секунды. Этот результат приносит ему 632 очка. Но его соперник заканчивает бег на три десятых секунды быстрее, а получает на 64 очка больше. И снова разгорается борьба за десятые доли секунды, за сантиметры.

После метания диска начинается самый тяжелый этап десятиборья — прыжки с шестом. Этот вид спорта требует от легкоатлета, кроме превосходного владения техникой, еще и большой выдержки, расчета. В прыжках с шестом спортсмену также очень важно определить высоту, с которой он начнет соревнования. В прошлом году мне дважды пришлось видеть, как, переоценив свои силы, молодой способный динамовец Рудольф Богданович получал ноль очков на отечественных соревнованиях. Выступая в Бухаресте на студенческих играх, он начал прыгать, пытаясь ввязать высоту в 2 метра 80 сантиметров. Следующий прыжок, и во имя не унывала успехом. На розыгрыше первенства СССР в прошлом году Богомолу следовало бы начать прыжки с меньшей высоты, но он

Бег с барьерами требует высокой техники.

повторил ту же ошибку, что и в Бухаресте, и снова получил ноль очков. В результате, хорошо начав выступление, Богомолов сразу отстал от остальных участников десятиборья больше чем на 500 очков.

Но вот закончены прыжки с шестом, промелькнула в воздухе последние копы, брошенные рукой легкоатлета. Остался последний этап соревнования — бег на 1 500 метров.

Казалось бы, окончательные результаты предрешены и последнее состояние не внесет никаких изменений в распределение мест между участниками. Но вот что произошло прошлым летом на соревнованиях в Бухаресте. До бега на 1 500 метров по общей сумме очков — свыше 6 000 — я был на первом месте, на втором — Василий Кузнецов, на третьем — Моравец (Чехословакия). Спортсмен Мейер (ГДР) отставал от чеха на 180—200 очков. Моравец решил, что призовое место ему обеспечено, и пробежал дистанцию без напряжения. Показанный им результат — 4 минуты 42 секунды — дал ему 396 очков. Но тут случилось то, чего не ожидал Моравец. Его соперник Мейер пробежал дистан-

стремился к восторженному физическому совершенствованию. По мере развития олимпийских игр а они проводились в древней Греции каждые четыре года на протяжении почти двух тысячелетий (776 г. до н. э. — 1112 г. н. э.) — в программу соревнований включались все новые упражнения. Са-

Сейчас нольевые называются в воздухе.

мым тяжелым испытанием на олимпийских играх был состязание в пентатлоне (пятиборье). В пентатлон входили: бег на одну стадию, прыжок, метание копья, метание диска и борьба. Победителя в этих состязаниях окружали большим почетом.

В программу новых олимпийских игр десятиборье впервые было включено в 1912 году. Победителем первого десятиборья был индеец Джим Торпе, набравший 6 971 очко. С тех пор рекорд значительно повысился. Сейчас мировой рекорд по десятиборью принадлежит Бобу Маттиссу (США). Его результат равен 8 445 очкам.

В нашей стране по-настоящему стали заниматься десятиборьем только после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1924 году Иван Сергеев установил рекорд страны по десятиборью. Он набрал 5 122 очка. В июне 1954 года молодой москвич Василий Кузнецов на соревнованиях в Киеве набрал 7 959 очков. Этот результат на 105 очков выше рекорда Европы. Василий Кузнецов добился следующих показателей: бег на 100 метров — 11 секунд, прыжок в длину — 6 метров 71 сантиметр, толкание ядра — 13 метров 70 сантиметров,

Прыжок с шестом — одно из самых тяжелых испытаний.

прыжок в высоту — 180 сантиметров, бег на 400 метров — 51 секунда, бег на 110 метров с барьерами — 15,4 секунды, метание диска — 49 метров 85 сантиметров, прыжок с шестом — 3 метра 90 сантиметров, метание копья — 60 метров 62 сантиметра, бег на 1 500 метров — 4 минуты 54 секунды.

С каждым годом все больше молодых спортсменов вступает в

ряды советских десятиборцев, все больше новых имен среди участников соревнований. Василий Кузнецов, Борис Столяров, Рудольф Богомолов, Юрий Кутенко — это все люди с большим спортивным будущим.

Нам, мастерам старшего поколения, хочется верить, что ряды десятиборцев будут расти, что молодые спортсмены порадуют Родины новыми достижениями.

В десятиборье важно умение далеко метнуть диск.

цию на 21 секунду быстрее. Эти секунды дали Мейеру больше 200 очков перевеса, и он вышел на второе место, а Моравец не вошел даже и на третье.

В десятиборье побеждает тот, кто борется до последней секунды.

Десятиборье — это вершина легкой атлетики, синтез многих видов спорта. Люди с древних времен

Последнее состязание в десятиборье — бег на 1 500 метров.

ДВЕ ПОБЕДЫ

Весенняя вода плескалась о гранитную набережную Москвы-реки, отражая разноцветные флаги, которыми была украшена водная станция. Возле перил толпились болельщики. Начались первые в этом сезоне соревнования столичных гребцов — разыгрывался приз газеты «Вечерняя Москва».

Лодки участников состязания выстроились в одну линию. Но вот весла взлетели, как крылья стремительных птиц, забурилась вода. Борьба началась.

Остронасое, похоние на большие иголы, лодки рассекли водную гладь. Вскоре вперед вырвались два спортсмена. Ребята, видимо, знавшие гребцов, кричали одному из них:

— Давай, Коля, нажимай!

Коля пришел к финишу вторым. Однако широкая улыбка освещала его лицо в этой гониме он опередил многих известных мастеров и проиграл лишь несколько секунд чемпиону СССР среди взрослых мастеру спорта Солдатенкову. На груди Коли — алая майка чемпиона среди юношей.

Это был Николай Бутырин. Два года назад он, ученик школы № 7 Москворецкого района, впервые сел за весла лодки-одиночки. Сначала Колю в секцию не приняли «по молодости» — ему было тринадцать лет, и он занимался самостоятельно. Позднее, познакомившись с тренером-общественником Георгием Симоновичем Лосавио и регулярно тренируясь, мальчик проявил большие способности и гребле.

Обычно думает, что занятия спортом мешают учебе в школе. Это неверно. Коля убедился, что спорт дисциплинирует человека, помогает четко организовать рабочий день. Если прежде его успехи были очень небольшими, то сейчас в таблице Коли Бутырина только отличные отметки.

Две победы одержаны им — он стал хорошим спортсменом и хорошим учеником.

Фото В. ТЮККЕЛА.

Цена номера
2 руб.

